

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра общего языкознания

Выпускная квалификационная работа

**Условно-символический язык русской военной песенной лирики
(на материале фольклорной традиции Прикамья)**

Работу выполнил:
студент группы Z251
направления подготовки
44.03.01 Педагогическое
образование, профиль
«Русский язык»
Юмасурин Вячеслав Радионович

(подпись)

«Допущена к защите в ГЭК»

Зав. кафедрой

(подпись)

« ____ » _____ 20__ г.

Руководитель:
доктор филологических наук,
профессор кафедры общего
языкознания
Подюков Иван Алексеевич

(подпись)

ПЕРМЬ 2017

Оглавление

Введение.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОЕННОГО ФОЛЬКЛОРА.....	6
1.1. Военный фольклор: характеристика, жанры	6
1.2. Языковые характеристики фольклора. Особенности военного фольклора	144
1.3. Содержание концепта войны, отражение в фольклоре	188
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ВОЕННОГО ФОЛЬКЛОРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ.....	266
2.1. Языковые средства военного фольклора при обращении к различным темам	266
2.2. Символическое содержание военных песен	377
2.3. Комбинация символов в текстах военного фольклора.....	49
ГЛАВА 3. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ.....	66
Заключение	68
Приложение.....	70
Список использованных источников и литературы	95

Введение

Тема войны в фольклоре имеет особое значение как для понимания менталитета русского народа, так и для понимания сущности войны для отдельно взятого человека. Если в литературных произведениях военных лет и в последующих произведениях, где происходит осмысление войны, раскрывается точка зрения одной конкретной личности, мировоззрение одного человека, то фольклор обобщает переживания и мысли целого общества. Поэтому понимание военных песен невозможно вне народного восприятия войны. Исследование языковых особенностей военного фольклора позволяет более глубоко вскрыть их смысловое содержание. Особый лингвистический интерес заключается в том, что военная тема в народном восприятии имеет свои особенности. Война в народном сознании предельно мифологизирована (представлена как зверь, чудовище, грозная стихия), что запечатлено в массе устойчивых фольклорных образов.

Военный фольклор, как правило, лишён идейной и политической подоплёки, поэтому он является наиболее объективным источником сведений об особенностях народного мировосприятия. Ненависть к врагу и чувство патриотизма в военном фольклоре не связаны с какими-либо политическими движениями, а отражают отношение простого человека, который желает жить счастливо, боится умирать, тоскует по дому, по родным краям, но при этом часто следует закону чести, стоя перед лицом смерти.

Актуальность данной работы заключается в том, что здесь будут анализироваться произведения военного фольклора Прикамья с точки зрения языковых и символических средств выражения военной темы. Анализ

языковых средств выражений понятий, связанных с войной, позволит раскрыть новые аспекты народного понимания и восприятия явления войны.

Объект исследования – языковые особенности, образно-символические средства в текстах военного фольклора Прикамья.

Предмет исследования – семантика наиболее частотных символических средств военной песенной лирики фольклорной традиции Прикамья.

Цель исследования – определить языковые и смысловые особенности военной песенной лирики фольклорной традиции Прикамья.

Для достижения данной цели необходимо решить ряд задач:

- 1) рассмотреть характеристику военного фольклора и его жанры;
- 2) определить языковые характеристики фольклора и особенности фольклора военного;
- 3) рассмотреть содержание концепта войны и его отражение в фольклоре;
- 4) проанализировать языковые средства военного фольклора при обращении к различным темам;
- 5) исследовать символическое содержание военных песен;
- 6) сделать анализ произведений военного фольклора.

Теоретической базой исследования являются работы таких авторов, как: В.П. Аникин, Е.В. Барсов, Л.Н. Венедиктова, Н.А. Волокитина, Ф.Н. Иванов, Е.И. Голованова, А.Д. Григорьев, Т. Зуева, Н.А. Колесникова, А.И. Лазарев, С.Г. Лазутин, Д.С. Лихачёв, В.А. Маслова, А. Орлов, В. Пропп, И.А. Подюков, Е.Н. Свалова, З.П. Зинина, Ю.А. Эмер и др.

Эмпирическую базу составили произведения военного фольклора Прикамья: песни, частушки, причеты и поговорки.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что её можно будет использовать как основу для лекций по военному фольклору, а

также для дальнейшего исследования военного фольклора и фольклора Прикамья.

Дипломная работа состоит из введения, двух глав: теоретической и практической, заключения, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА ВОЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

1.1. Военный фольклор: характеристика, жанры

Война - одна из традиционных тем русского фольклора, начиная с былинного эпоса и заканчивая самодеятельными песнями воинов-афганцев. К сожалению, в наше время произведения военного фольклора все больше забываются, сохраняясь в памяти лишь тех, кто пережил войну. В то же время военный фольклор – особая сфера народной культурной традиции, в которой отразились народные традиции, живая человеческая мысль и эмоция. Военная тема, связанная с сильнейшими эмоциональными переживаниями, с обостренным восприятием своего и чужого, имеет и особые языковые средства.

К таким средствам прежде всего относятся фольклорные формулы, «общие места». Их набор и смысл меняется во времени. Так, в былинных описаниях внимание, как правило, уделялось таким «общим местам», как подготовка к битве русских богатырей, типичные моменты организации поединка (такие как седлание коня; выезд богатыря), описание боя. Здесь получили отражение особенности снаряжения русских воинов, приёмы ведения боя» [9, с. 133]. Сказитель, обладая запасом традиционных формул и комбинируя их, мог варьировать былины, то уменьшая, то увеличивая ее объем, не нарушая при этом самого сюжета сказания. Поэтические приемы былинного эпоса вместе с тем являются и приемами мнемоническими, помогающими запомнить и воспроизвести былинный текст. При помощи формул создавался особый былинный, героический поэтический мир. *«Налагав ведь онъ войлоки на войлоки, Полагаешь онъ седлышко черкальское. Это туго ведь онъ подруги подтягивалъ, Енъ кудымахнетъ, падутъ улицама, «А отмахнешь – переулкама.* Общие места в былинах исследованы И.В. Лозовым [21, с.16]. Богатырь определяется как святорусский, могучий;

князь Владимир - как ласковый, славный, светлое солнце, красно солнышко. Враг называется поганым, злым, проклятым, безбожным. меч булатный, лук тугой, конь богатырский, неприятель – сила поганая

Особые формулы-ситуации отличают тексты исторических песен. В них даются сведения о военных походах, военном быте, поведении отдельных военачальников, отражена народная оценка происходящего. Формирование исторической песни в русском фольклоре датируется XIV в., когда появилась песня о Щелкане Дудентьевиче. Далее, мощное развитие жанр исторической песни получает в XVI в. По словам А. Орлова и В. Проппа, «она дала правильную народную оценку деятельности Ивана IV, выразила мнение и голос народа в эпоху польско-шведской интервенции, звала к бунту в период крестьянских войн Степана Разина, выражала народную поддержку Петру в его войне со шведами» [20, с. 79].

В песне о Полтавской битве ратный подвиг простых солдат, описывается следующим образом:

Распахана шведская пашня, распахана солдатской белой грудью...

Посеяна новая пашня солдатскими головами;

Поливана новая пашня горячей солдатской кровью.

Такого рода образность (уподобление ратного дела земледельческому труду) типична для военных исторических песен.

В целом, функции воинского эпоса переходят в данный период к исторической песне, которая отражает развитие реалистической литературы. Меняются и сами бои, теперь герой песни не сражается тележной осью или булавой. В ней бой ведется не в одиночку: в ней сражаются регулярные войска, предводимые командованием, которому народ доверяет.

Особенность реалистического изображения войны основывается не только на развитии фольклора в сторону реализма, но и на том, что авторами исторических песен становятся не только крестьяне, но и самими воинами,

участниками военных событий, в связи с чем, воинская историческая песня неотделима от песни солдатской.

Солдатские, а также рекрутские песни получают распространение в XVIII в. и отражают лирическую сторону военного фольклора. «В них выражалось отношение солдат к службе, запечатлены драматические моменты в их судьбе (забывание в рекруты, прощание с семьей, разлука с любимыми), эстетически осмыслена гибель солдат на поле боя и смерть от тяжелых ран» [9, с. 133]. Развитие данного жанра обуславливается историческими особенностями страны. Так, по словам Н.А. Волокитиной и Ф.Н. Ивановым, «с появлением в России регулярной армии и установлением обязательной службы в её рядах воинская повинность стала оказывать значительное воздействие на жизнь нашей страны. Особенно заметно это влияние было в XVIII–XIX вв., когда в ходе модернизации происходил постепенный переход от традиционного к аграрно-индустриальному типу общества» [5, с. 73].

В.П. Аникин определяет воинские песни как разновидность исторических песен. Возникают данные песни в воинской среде: в стрелецком, казацком и армейском (преимущественно солдатском) сословии. В данных песнях также отображены воинские события, изображены герои-полководцы. Помимо этого, в данном виде фольклорной лирике содержатся мысли и настроения солдат, сущность сознания воинского долга, гордость за своё Отечество. Помимо этого, «песни содержат и жалобы на тяготы военной службы, осуждают преступное поведение армейских казнокрадов» [5, с. 41]. Традиции описания воинских событий и быта значительно индивидуализируются в воинских песнях. По выражению А.Д. Григорьева, «История русского солдата – в русских песнях» [10].

Сочетание передачи исторически важных событий, конкретных описания и эмоциональных переживаний и мыслей решают сразу несколько задач в воинской песне:

- передачу информации о важном событии;
- приобщение к переживанию участников войны или тех, кто близко стоял к ним;
- вовлечение слушателя в этические понятия воинской среды;
- выход на жизненно-философские и социальные трактовки происходящих событий.

Особым жанром воинского фольклора являются рекрутские и солдатские причеты. Е.В. Барсов, собиравший причитанья Северного края и исследовавший данный жанр, говорит о том, что в плачах оставлены «следы верований разных доисторических эпох относительно духовного бытия, смерти и посмертного существования: в народном сознании сталкивались и пересекались разные мировоззрения, образовывались целые религиозные наслоения, которые, в свою очередь, не совсем вытеснены учением христианским...» [6, с. 10].

Ещё одним жанром воинского фольклора являются рекрутские и солдатские причеты, которые входят в состав бытовых причетов, образуя внутри них особую жанровую разновидность. Солдатские причеты, так же как и рекрутские, содержали в себе предстоящую военную жизнь. Но при этом рекрутские причитания затем сменялись на солдатские. В таких причитаниях шла речь уже о служащих солдатах, которые на недолгий срок приходили на побывку или бывали отпущены, чтобы схоронить отца или мать. До наших дней дошли такие формы рекрутского и солдатского плача, которые появились после указа Петра I о наборе рекрутов в 1699 г. и в последующей истории солдатской службы, срок которого изначально приравнивался к сроку всей жизни, а затем был заменён на 25-летний срок. По словам В.П. Аникина, данному типу причетов предшествовали другие, «издревле сопутствовавшие уходу воинов в походы» [5, с. 227].

Пример, показывающий близость языка рекрутских причитаний и похоронных плачей – рекрутская песня из собраний Е. Барсова:

*Уж ты мило мое дитяtko, Ты несчастное родилося, Бесщастное да
бесталанное!*

*Куды спешишься да торопишься Изo своего ты дому благодатного,
Изo светлой изo светлицы, Из новый да новы горницы?*

*Без тебя, да мило дитяtko, Отемнеет светла светлица,
Опустеет дом-подворьицо!*

*Ты подешь, да мило дитяtko, Не в любимую да путь-дороженьку,
Не в любимую — во дальиую, Во дальнюю да во печальную,
Ты во службу-то во царскую, Во царскую да государскую,
Во солдаты новобранные!*

Как мы видим, причет содержит типичные общефольклорные формулы – *нова горница, светла светлица, путь-дороженька, служба царская.*

Несмотря на то, что тексты более древних причетов не сохранились, однако существуют свидетельства об их существовании. Так, в «Слове о полку Игореве» в эпизоде после поражения полка князя есть следующий отрывок, где жёны плачут над своими умершими мужьями и их причитания обретают форму более позднего плача.

Рекрутские и солдатские причитания имеют значительные различия, в связи с чем, стоит их рассматривать в отдельности. Набор рекрутов в Российской империи вёлся от срока до срока и, как отметил Е.В. Барсов: «*Стон стоял по русской земле при каждом наборе*» [6, с. 185]. Барсов, по рассказам сказителя В.П. Щеголёнка, говорит о том, как проходил набор в солдаты. На сходке зачитывали указ: «*Слушайте, мир православный! Государь набор открывает с 500 душ по 3 человека!*» [5, с. 228]. Далее в городском приёме окончательно решали судьбу выбранного по жребью. «Решение сходки воспринималось в семье как грозный неотвратимый удар» [5, с. 228]. Далее, в дом приглашали специальную вопленицу, которая и исполняла все причитания. В них, психологически грамотно вопленица

выражала переживания рекрута и его семьи, каждого члена в отдельности: матери, отца, братьев, сестёр, она умела подбодрить и растрогать самое каменное сердце.

В.П. Аникин следующим образом объясняет причины, по которым приглашали во пленицу: «Семья пребывала в тяжком душевном состоянии. Если и бывало, что пречитывали некоторые из близких родных, то это случалось нечасто. Приглашённая во пленица знала дело лучше и могла говорить о мыслях и чувствах семьи с большей свободой и прямоотой» [5, с. 228]. Солдатские причеты, также как и рекрутские, содержали в себе предстоящую военную жизнь. Но при этом рекрутские причитания затем сменялись на солдатские. В таких причитаниях шла речь уже о служащих солдатах, которые на недолгий срок приходили на побывку или бывали отпущены, чтобы схоронить отца или мать. «Даже недолгое пребывание солдата на родине, возвращение домой и свидание с семьёй позволило ввести в причеты отрядные картины» [5, с. 232]. Также в таких причетах содержатся переживания и мысли солдат, которые участвовали в военных действиях и пережили страшное время.

Среди малых жанров военного фольклора можно выделить частушки и пословицы. Жанр частушки относительно молодой – он возник в 1860-е гг., что совпало с серьёзными реформами, проходящими в России) и к началу XX века данный жанр получил большую популярность. Показательны стали множество частушек, ставшие откликом на русско-японскую войну. Вместе с этим, естественно, что военная частушка была крайне популярной в Первую и Вторую мировую войну. Одной из центральных тем является защита Отечества от вражеских нападений. Вот, например:

*Ты не трогай, немец, русских, ихних братьей и сестёр,
Не даст русский их в обиду, и тесак его остер* [4, с. 227].

Вместе с частушками на тему любви к Отечеству важными становятся частушки, высмеивающие врага. Так, во Вторую мировую войну

распространены были частушки про Гитлера и других нацистов, которые не только передавались устно, но и распространялись в качестве сатирических листовок.

Военные пословицы также имеют место в русском фольклоре. Жанр пословицы которые разделяются на изречения с прямым смыслом и многозначные пословицы, имеющие иносказания. В целом пословица определяется как «краткое, устойчивое в речевом обиходе, ритмически организованное изречение» [5, с. 246].

Среди тем военных пословиц преобладают темы о храбрости и самоотверженности солдата, например: *Славная смерть лучше постыдной жизни; Пока дышать могу – бью по врагу; Жертвуй головой, а не честью и т.д.* Также в военных пословицах и поговорках часто содержатся советы и поучения для солдат: *Не страшен газ, если противогаз; Горе горюй, а руками воюй; Прежде соберись, а потом дерись.* Здесь также содержатся темы патриотизма и ненависти к врагу.

Таким образом, военный фольклор в русской культуре имеет глубокие корни и свой особый набор языковых средств (формул и символов). Так, истоки военного фольклора можно найти в былинном эпосе, где описывалась подготовка и бой русских богатырей. Далее, в исторической песне, описание войны приобретает индивидуальные черты и отходит от традиционной былинной структуры. Авторами исторических песен становятся не только крестьяне, но и самими воинами, участниками военных событий, в связи с чем, воинская историческая песня неотделима от песни солдатской. Солдатские, а также рекрутские песни получают распространение в XVIII в. и отражают лирическую сторону военного фольклора.

Среди малых жанров военного фольклора можно выделить частушки и пословицы. Важными темами частушек и пословиц являются темы родины и ненависти к врагу.

1.2. Особенности военного фольклора

При изучении языка фольклора, несомненно нужно, помнить о его принципиальных отличиях от языка художественной литературы. Однако, как заметил В.Я. Пропп, «Широко распространено мнение, будто нет принципиальных отличий между способами изображения действительности в фольклоре и в художественной литературе. И там и здесь действительность изображается одинаково верно и правдиво» [22, с. 301]. Рассматривая соотношение фольклора и действительности, Пропп говорит о том, что фольклор обладает специфическими законами своей поэтики, отличными от методов профессионального художественного творчества. В связи с этим, необходимо иначе подходить к определению языковых особенностей фольклорных произведений.

А.И. Лазарев делает попытку вывести общие признаки фольклорной поэтики, основываясь на том, что фольклор является традиционно импровизационным искусством. Так, по мнению исследователя, можно выделить следующие особенности поэтики фольклора:

- особый характер художественного обобщения, так как они посвящены положениям целых слоев населения;
- действие закона переживания, где «исполнитель и слушатель стремятся отождествлять себя с лирическим героем народной песни» [18, с. 124];
- закон действия, или поэтической динамики.

По словам исследователя русского фольклора и теоретика по поэтике фольклористики С.Г. Лазутина, «Каждый жанр фольклора имеет свои излюбленные стилистические приемы, в нем получают наибольшее применение те или иные поэтические тропы. Так, гиперболы чаще встречаются в былинах, символы — в традиционных лирических песнях, сравнения — в пословицах и поговорках» [16, с. 64]. Связана такая закономерность с тем, что каждый троп отражает специфические

особенности того или иного жанра. Так, например, в загадках наиболее распространённым стилистическим средством является метафора.

О символике в народных песнях стали говорить ещё в XIX в. К исследованию выразительных средств песни обращаются и советские учёные, среди которых выделяются Н.П. Колпакова и Т.М. Акимова. По мнению С.Г. Лазутина, «широкое употребление поэтической символики в народной лирике обусловлено ее жанровой природой, особенностями ее содержания, самого способа художественного отражения действительности» [16, с. 65].

А.А. Потебня в своих исследованиях обращался к символике мифа и символике фольклора. Согласно его идеям, происхождение символов вызвано «самим ходом эволюции языка и мышления. Слова постепенно утрачивают свою внутреннюю форму, своё ближайшее этимологическое значение» [15, с.9]. На его восстановление и ориентированы символы, используемые в народной поэзии. Таким образом, в интерпретации Потебни многозначность символов в фольклоре является его естественным свойством.

С языковой точки зрения, частушки как жанр отличают особые эпитеты. «Если необрядовая традиционная лирическая песня своим рождением, развитием и содержанием была связана с эпохой феодализма, то частушка — с эпохой капитализма» [16, с. 82]. Характеристика персонажа заключена в самом эпитете. Они весьма разнообразны соответственно жизненным и психологическим ситуациям, изображаемым в припевках.

Рассматривая языковые особенности военного фольклора, необходимо сказать, что таковые проявляются в основном на уровне лексики. Так, в различных жанрах военного фольклора содержится лексика, связанная с темой войны, отражающая её быт, аспекты военных действия и пр.

Так, например, в частушках употреблялись бранные слова и прозвища по отношению к врагам. На войне каждый род войск считал себя привилегированным, в связи с чем, появлялись прозвища, называющие

представителей других родов войск. Кроме того, каждый солдат считал именно свой род войск самым привилегированным, что порождало и определенные прозвища войск: например, моряков, переведенных на сушу, пехотинцы называли «черти полосатые». А сами моряки тоже не прочь были пошутить над «матушкой-пехотой». На это, кстати, указывают воспоминания многих участников Сталинградской битвы. Смеялись солдаты и над трусостью своих сослуживцев: «Галифе не лопнули?» – иронично спрашивали они какого-нибудь зеленого новичка, побывавшего в первом бою.

Языковые особенности также наблюдаются в военных и рекрутских причетах, которые отличаются философскими размышлениями и выводят чисто утилитарный жанр на уровень, подобный лирическому произведению. Это связано с воззрением народа на военную службу как на насилие над человеком и его семьёй, как трагическое происшествие, где власть врывается в личную жизнь человека и разрушает её.

Особое внимание следует уделить также идее С.Е. Никитиной о народном (фольклорном) символическом тезаурусе (словаре), которая легла в основу описания набора символов в военном фольклоре. Серафима Никитина считала, что если составить словарь на основе текстов одного жанра — например, былин или свадебных песен, то вполне можно выстроить фрагмент или проекцию общей фольклорной и мифологической картины народного мировидения так, как она представлена именно в этом жанре. «Словарь отражает язык фольклорных текстов, поэтому он должен включать в себя все слова, встреченные в них. Однако далеко не все слова получают в словаре полное описание. Полное семантическое описание (в рамках данного словаря) получают так называемые ключевые слова, имеющие в текстах большую смысловую нагрузку, выполняющие определенные художественные функции (например, они являются символами, выразителями основных семиотических оппозиций, показателями жанра и

т.п.). Описание именно таких слов — необходимое условие и инструмент анализа народнопоэтического текста.» Фольклорный текст представляет собой сложным образом закодированное сообщение. Можно выделить несколько уровней понимания этого текста. Первый уровень предполагает знание языка (в данном случае русского) и обычный набор представлений носителей нефольклорной культуры, т.е. этот уровень предполагает прямое прочтение текста; непонимание, возникающее на этом уровне, частично устраняется с помощью диалектных и исторических словарей. [17, гл.3]

Согласно данной идее словаря, символы-образы указывают на глубинные традиционные смыслы в народной культуре, которые, как правило, не имеют прямой номинации, а выражаются в языковых единицах, сохраняющих одновременно свое прямое, непосредственное значение. Так, например, символами брачного обряда являются такие образы, как: *топтать конем траву, подломить сени новые*, символами невесты - названия растений и птиц, как *калина, яблоня, вишенка, лебедушка, утица*,

Таким образом, фольклор кардинально отличается от художественной литературы, что отражается и на его языковых характеристиках. Так, язык фольклора отличается: особым характером обобщения; действующим законом переживания и законом поэтической динамики. В каждом жанре фольклора преобладает своё средство выражения (символ, гипербола, эпитет и пр.). Языковые особенности военного фольклора проявляются в основном на уровне лексики. Так, в различных жанрах военного фольклора содержится лексика, связанная с темой войны, отражающая её быт, аспекты военных действия, а также бранные слова и прозвища. Особую роль среди художественных средств фольклора имеют символы.

1.3. Концепт войны в фольклоре

Изучение какого-либо концепта предполагает использование так называемого концептуального анализа, в ходе которого создаётся культурно-лингвистический портрет слова. В процессе анализа происходит сопоставление этимологического значения, семантики и прагматики слова, который вскрывает глубинные процессы, происходящие внутри него.

Несомненно, война является крупным событием не только общества в целом, но и каждого человека в отдельности. С войной связан сложный эмоциональный узел из страха за себя и близких, из патриотических мотивов, ненависти к вражеским силам. Вместе с этим, война выбивает человека из привычной колеи, лишая его возможности осуществить будущие планы (или отложить их не на один год), уверенности в сегодняшнем дне и пр. В связи с этим концепт «война» в русском языке представляет собой сложное понятие. По мнению Л.Н. Венедиктовой, «война как общественно-политический феномен находит яркое воплощение в русскоязычной картине мира» [7, с. 6]. Концепт «война» является культурным концептом, основное содержание которого в русском языке сводится к следующим признакам:

- предметно-образная сторона концепта – это обобщенный образ противостояния враждующих сторон;
- понятийная сторона концепта – это языковое обозначение характеристик войны, поведения участников боевых действий;
- ценностная сторона концепта – это принятые в обществе эксплицитные и имплицитные нормы поведения.

Данный концепт находит множественное проявление в русском языке, выражаясь, главным образом, в семантике лексических и фразеологических единиц в виде универсального признака войны.

Подробно был рассмотрен концепт войны одним из представителей когнитивной лингвистики – В.А. Масловой. Рассматривая концепт войны,

она, в первую очередь, приводит цитату из Ю.М. Лотмана, подчёркивая сложность данного явления: «Писать о войне трудно. Потому что, что такое война, знают только те, кто никогда на ней не был. Так же, как описывать огромное пространство, у которого нет четких границ и нет внутреннего единства. Одна война зимой, другая - летом. Одна во время отступления, другая - во время обороны и наступления; одна днем, другая ночью. Одна в пехоте, другая в артиллерии, третья в авиации. Одна у солдата, другая у приехавшего на фронт журналиста» [19, с. 182].

Анализируя различные словарные определения слова «война» Маслова приходит к выводу, что современные значения, слова война связаны со значениями слов *покорять, преследовать, охотиться, заготавливать запасы*. Все эти действия направлены на кого-то, реже - на что-то, и все они совершаются с целью приобретения какой-либо выгоды. Это общее значение сохранилось до настоящего времени.

В работах Ю.А. Эмер и Е.И. Головановой содержится обстоятельный анализ концепта «войны» в русском фольклоре. Так, по словам Ю.А. Эмер, «концепт «война» является одним из ключевых в песенном современном деревенском фольклоре, формируя жизненные цели, ценностные установки и представления человека» [25, с. 58]. Центральное положение концепта «войны» в русском фольклоре объясняется тем, что в связи с данным понятием формируются представления о смысле жизни, личности человека, личностно-социальной роли в обществе, а также осмыслением важных личностно-исторических событий.

Данный концепт, являясь базовым для фольклора и культуры в целом, предстает как дуальные образования через системы бинарных оппозиций: добро/зло, жизнь/смерть, по-разному репрезентируя их.

У Ю.Эмер фольклорный концепт понимается как дискурсивный вариант общекультурного концепта, отличающийся от концептов других дискурсов специфическим содержанием, обусловленным коллективными

установками фольклорного социума. Фольклорный концепт как дискурсивное проявление общекультурного концепта отражает коллективные установки социума, воспроизводит установки фольклорного сознания в его культурном эстетическом проявлении. В лингвокогнитивном аспекте в работе он структурируется с опорой на понятие фольклорного фрейма, что позволяет выявить особенности реализации универсальных когнитивных структур в фольклоре.

В структуре концепты «война» выводятся элементы (фреймы):

- нападение;
- сражение;
- наступление;
- подвиг;
- смерть
- предательство;
- плен;
- ожидание;
- встреча и др.

Со временем в концепте войны появляются новые фреймы, в связи с чем невозможно ограничить их круг одним единственным списком. Так, в конце XX века появляются, например, такие фреймы, как: «террористический акт», «вооружение» и др.

В исследованиях Ю.А. Эмер наблюдаются различия в осмыслении концепты войны в литературе военного времени и фольклоре. В песне война изображена «с человеческим лицом», пересечение «войны» и «мира» (актуализация тем «дом», «семья», «любовь», «героизм», «мужество») позволит выразить многоаспектный взгляд фольклорного социума на войну, на человека в экстремальных условиях.

Наряду с героизмом, мужеством, предательством в песне представлена тема смерти. Смерть как элемент культуры проинтерпретирована в искусстве

и фольклоре. На основе паремий, песенного и сказочного фольклора можно реконструировать представление о смерти, бытующее в фольклорном коллективе: смерть – это страх, неизбежное, с чем надо смириться, смерть – это переход в другой мир.

В песнях о войне рефлексировался не феномен смерти, а смерть человека, выполнившего солдатский долг. В центре внимания оказывается не сама смерть, поскольку смерть во имя Родины трактуется как оправданное условие, война требует бесстрашного отношения к смерти, а ситуация переживания смерти самим героем, а также его близкими.

Е.И. Голованова указывает на то, что в традиционных солдатских песнях акцент делался на тяжести военного быта, на ратном труде воинов, на тоске солдат по родной земле и дому. Достаточно привести наиболее характерные для народных песен сочетания: «походы частые, дальние», «раны тяжелые, кровавые, смертные», «слезы горючие», «горе горькое кукушечье», «грозна служба государева», «горче полыни служба царская», «кровь горячая – умываньице». Война и в целом служба солдатская уподоблялись в песнях «великой невзгодушке», ненастью – снегу, буре, ветру, грозе – с раскатами грома и тучами во все небо. То же сохраняется и в песенных текстах XX века: «покамест бушует война»; «над страной прогремела гроза, взяли в армию милого парня» [4]. Водные образы: море, река, дождь, туман – выражали в песнях печаль, тоску, горечь разлуки («бежит речушка слезовая, на ней струюшка кровавая» и др.).

Символическая образность, характерная для солдатского песенного фольклора, получила своеобразное преломление в казачьих песнях. Казаки как особое военно-служилое сословие сформировали новое отношение к воинскому быту и военным традициям в русской культуре. Война для них стала естественным продолжением их служения отечеству, отражала особенности их мировосприятия. В казачьих песнях воспроизводились лучшие качества русских воинов – удалство, отвага, братская

взаимопомощь: *Что ни соколы крылаты / Чуют солнечный восход – / Белого царя казаки / Собираются в поход. / Взор их мужеством пылает, / Грудь отвагою полна (Как двенадцатого года); Медна трубонька тут вострубила, / Эй, грозовая пушечка тут возгаркнула. / Сила-армия во поход пошла (На заре-то было); Как по линии уральской / Не сизой орел летал, / Он нам весточки приносит, / Царя белого приказ: / «Двум полкам идти в поход! / Ружья новые, пистоны, / Шапки острые иметь» (Сине море зашумело).*

В кругу песен военной тематики устойчивыми становятся сюжеты с мотивом вещего сна, разговора с конем или черным вороном. Эмоциональный подтекст солдатских и казачьих песен наиболее полно раскрывается в осмыслении главных для них концептов «смерть» и «бой» через традиционные крестьянские образы свадьбы и пахоты.

Другим традиционным для песенного дискурса мотивом является «женитьба на другой»: *Как женила его шашка вострая / Первенчала его пулюшка быстрая. / Красное солнышко – родная маменька, / Да светел месяц – родный тятенька, / Частые звездочки – братья-сеструшки. / А как белая та заря – молодая жена. / А кроватушка его – мать сыра земля, / А постелушка его – мать ковыль-трава, / Одеялушко его – темна ноченька (За Кубанью за рекой).*

И в том, и в другом случае наряду с уподоблением наблюдается противопоставление, то есть актуализируются антиконцепты. Под этим термином подразумевается такой производный концепт, в составе которого часть значимых, конститутивных признаков исходного концепта замещается новыми (при сохранении остальных): «поле боя» выступает антиконцептом по отношению к «пашне», концепт «смерть воина» противопоставляется содержанию концепта «свадьба».

Первые два концепта объединяются признаками «приложение физической силы», «значимость для продолжения жизни», «страдание», а различаются характером (созидание – разрушение) и основными орудиями

деятельности. Во втором случае свадьба, мифологически осмысливаемая как смерть (умирание) главных ее участников в одном качестве и их рождение в другом, словно воспроизводит свое древнее значение перехода, но с изменением результата (переход из одного мира – мира людей, в другой – мир природы). Понятность каждого из этих образов для человека, возможность их прочувствовать и заново пережить делает их одновременно глубоко личными и коллективными, обнажает сокровенные для человека смыслы.

В целом, для народного песенного дискурса, связанного с войной, весьма характерны приемы художественной выразительности, сложившиеся в традиционной лирической песне: психологический параллелизм, ступенчатое сужение образов, символическая образность – все это сохраняет свою актуальность до настоящего времени. Однако наряду с этим изображение войны в песнях с течением времени становится все более реалистичным.

Таким образом, концепт «войны» представляет собой сложное и подвижное понятие, которое изменяется вместе с историей. В фольклоре данный концепт затрагивает все стороны человеческой жизни, а также поднимает философские вопросы о жизни и смерти. В отличие от художественной литературы, в фольклоре война представляется с человеческим лицом. Большое внимание в военном фольклоре, в частности, в песнях, уделяется солдатскому быту, где подчеркивается его тяжесть и непомерность для человека. Вместе со всем этим, система символики военного фольклора строится вокруг главного концепта «войны» и его структурных элементов.

Выводы по I главе

Военный фольклор в русской культуре имеет глубокие корни. Так, истоки военного фольклора можно найти в былинном эпосе, где описывалась подготовка и бой русских богатырей. Далее, в исторической песне, описание

войны приобретает индивидуальные черты и отходит от традиционной былинной структуры. Авторами исторических песен становятся не только крестьяне, но и самими воинами, участниками военных событий, в связи с чем, воинская историческая песня неотделима от песни солдатской. Солдатские, а также рекрутские песни получают распространение в XVIII в. и отражают лирическую сторону военного фольклора.

Ещё одним жанром воинского фольклора являются рекрутские и солдатские причеты, которые входят в состав бытовых причетов, образуя внутри них особую жанровую разновидность. Солдатские причеты, так же как и рекрутские, содержали в себе предстоящую военную жизнь. Но при этом рекрутские причитания затем сменялись на солдатские. В таких причитаниях шла речь уже о служащих солдатах, которые на недолгий срок приходили на побывку или бывали отпущены, чтобы схоронить отца или мать. Среди малых жанров военного фольклора можно выделить частушки и пословицы. Важными темами частушек и пословиц являются темы родины и ненависти к врагу.

Фольклор кардинально отличается от художественной литературы, что отражается и на его языковых характеристиках. Так, язык фольклора отличается: особым характером обобщения; действующим законом переживания и законом поэтической динамики. В каждом жанре фольклора преобладает своё средство выражения (символ, гипербола, эпитет и пр.). Языковые особенности военного фольклора проявляются в основном на уровне лексики. Так, в различных жанрах военного фольклора содержится лексика, связанная с темой войны, отражающая её быт, аспекты военных действия, а также бранные слова и прозвища.

Концепт «войны» представляет собой сложное и подвижное понятие, которое изменяется вместе с историей. В фольклоре данный концепт затрагивает все стороны человеческой жизни, а также поднимает философские вопросы о жизни и смерти. В отличие от художественной

литературы, в фольклоре война представляется с человеческим лицом. Большое внимание в военном фольклоре, в частности, в песнях, уделяется солдатскому быту, где подчёркивается его тяжесть и непомерность для человека. Вместе со всем этим, система символики военного фольклора строится вокруг главного концепта «войны» и его структурных элементов.

ГЛАВА 2. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВ ВОЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

В данной главе мы попытаемся определить содержательные и языковые особенности военного фольклора с точки зрения образов и символического содержания, которые наиболее часто встречаются в строчках песен. Рассмотрим комбинации символов и проведем лингвистический анализ конкретных песен.

2.1. Образность в военном фольклоре

Тексты военного фольклора содержат образы зафиксированного в памяти людей опыта через призму разделяемых ими ценностей и идеалов, чаще всего, отражающих крестьянское мировосприятие.

Елена Иосифовна Голованова в своей статье «Война в художественном осмыслении» выделила из песенной военной лирики три концептуальные доминанты: – доминанта общей судьбы (где важное место занимают концепты «Время», «Дорога», «Родная земля» и др.), – доминанта воинского подвига (с ключевыми концептами «Мужество», «Самопожертвование», «Справедливость», «Враг» и др.), – доминанта духовной гармонии и фронтового братства (ключевые концепты «Дом», «Мать», «Любимая», «Дружба»).

Наиболее характерные для народных песен сочетания: *«походы частые, дальние», «раны тяжелые, кровавые, смертные», «слезы горючие», «горе горькое кукушечье», «грозна служба государева», «горче полыни служба царская», «кровь горячая - умываньице»*. Война и в целом служба солдатская уподоблялись в песнях *«великой невзгодушке», ненастью - снегу, буре, ветру, грозе - с раскатами грома и тучами во все небо*. То же сохраняется и в песенных текстах XX века: *«покамест бушует война»; «над страной прогремела гроза, взяли в армию милого парня»* [12]. Водные образы: море, река, дождь, туман - выражали в песнях печаль, тоску, горечь разлуки (*«бежит речушка слезовая, на ней струюшка кровавая»* и др.).

Символическая образность, характерная для солдатского песенного фольклора, связана с оценкой лучших качеств русских воинов - удальство, отвага, братская взаимопомощь: *Что ни соколы крылаты / Чуют солнечный восход - / Белого царя казаки / Собираются в поход. / Взор их мужеством пылает, / Грудь отвагою полна (Как двенадцатого года); Медна трубонька тут вострубила, / Эй, грозовая пушечка тут возгаркнула. / Сила-армия во поход пошла (На заре-то было); Как по линии уральской / Не сизой орел летал, / Он нам весточки приносит, / Царя белого приказ: / «Двум полкам идти в поход! / Ружья новые, пистоны, / Шапки острые иметь»* (Сине море зашумело). В кругу песен военной тематики устойчивыми становятся сюжеты с мотивом вещего сна, разговора с конем или черным вороном.

Во многих русских песнях поле битвы предстает как пашня: *За Утвою / Распахана была тут пашенка. / Яровая. / Распахана была эта пашенка / Не плугом, не сохою. / Распахана была эта пашенка / Казачьими стальными саблями. / Заборована была эта пашенка / Казачьими стальными копьями. / Приутоптана была эта пашенка / Казачьими добрыми конями, / Засеяна была пашенка / Казачьими головами (Как за реченькой за Утвой).*

Другим традиционным для песенного дискурса мотивом является «женитьба на другой»: *Как женила его шапка вострая / Первенчала его пулюшка быстрая. / Красное солнышко - родная маменька, / Да светел месяц - род-ный тятенька, / Частые звездочки - братья-сеструшки. / А как белая та заря - молодая жена. / А кроватушка его - мать сыра земля, / А постелюшка его - мать ковыль-трава, / Одеялушко его - темна ноченька (За Кубанью за рекой).*

В песне *На взморье мы стояли / На германском бережку / На взморье мы смотрели / Как волнуется волна / Не туман ли с моря всходит / То сильный дождичек шумит / Посулился цар(ь) германской / Русско войско победит(ь) / Вреш(ь) ты вреш(ь) ты враг германец / Тебе русских не побить / У России войска много / Русский любит угостит(ь) / Угостит свинцовой*

пулей / На закуску стальной штык / Штык стальной четырехгранной / Груд(ь) германскую пронзит (На взморье мы стояли) воспроизводится традиционная символика моря, тумана как предвестия беды, а также восходящий еще к историческим песням мотив «угощения».

Образ войны рисуется через описание огня, горящих домов, дыма пожарищ и пепелищ: *Горит земля, охваченная дымом, / Объята Родина войной* (Горит земля, охваченная дымом); *Родина послала в бурю огневую* (Слушайте, отряды, песню фронтовую); *Не боимся мы ни пули, не огня, / Кровь геройская лилася, как река* (Из-за лесу, из-за гор); *Задымился алый горизонт* (Катюша, переделка); *Через реки, годы и долины, / Сквозь пургу, огонь и черный дым / Мы вели машины. / Объезжая мины, / По путям-дорогам фронтовым* (Дорожка фронтовая); *Эх, тридцатьчетверка и грозный КВ, / Как брат и сестренка, идут по траве, / Сквозь темные чащи, сквозь пламя идут, / Забытое счастье планете несут* (Сердце танкиста); *С «лейкой» и блокнотом, / А то и с пулемётом / Сквозь огонь и стужу мы прошли* (Песенка военных корреспондентов); *Вьется пыль над сапогами - степями, полями, / А кругом бушует пламя / Да пули свистят* (Дороги). Именно пожирающая сила огня, несущая разрушение, боль и смерть, становится в песнях символическим выражением войны.

Традиционно в лирических песнях о войне используется образ дома, актуализирующий «свое», привычное, «близкое» пространство:

В атаку стальными рядами / Мы поступью твердой идем. / Родная столица за нами, / За нами родимый наш дом (Песня защитников Москвы); *Пробьет победы час, придет конец похода, / Но прежде, чем уйти к домам своим родным...* (Песня артиллеристов).

Под разными названиями в сборниках песен военных лет и современных региональных сборниках содержатся тексты, воспроизводящие один и тот же сюжет - возвращение в родной дом отца и сына: *На горе стоит избышка, / Избушка та мала. / Во той малой избышке, / Там вдовушка*

*жила. / Пришли к ней два товарища, / Просились ночевать: / «Любимая хозяйюшка, / Пусты нас ночевать». / «Я печку не топила / Гостей я не ждала. / Я в поле работала / Домой поздно пришла». В одном из вариантов этой песни, записанных на Южном Урале, есть строка, указывающая на старинный ее характер: *Давно ль, давно ль, хозяйюшка, давно ль ты вдова? - / В двенадцатом годочке была сильна(а) война* (имеется в виду 1812 год) [6. С. 43].*

Слезы в песнях выступают символом бесчисленных страданий в годы войны: *Повстречали - огнем угощали. / Навсегда уложили в лесу. / За великие наши печали, / За горячую нашу слезу (Ой, туманы мои, растуманы); Я на подвиг тебя провожала, / Над страную гремела гроза. / Я тебя провожала / И слезы сдержала, / И были сухими глаза (Я на подвиг тебя провожала); Бьет фашистский сброд Украина-мать / Партизанкою по Днепру, / Скоро выйдет вновь сыновей встречать, / Слезы высохнут на ветру (Песня о Днепре).*

Темы, к которым обращается военный фольклор, так или иначе связаны с военными событиями, прямо или косвенно. В устных произведениях военных лет можно встретить описание сражений, нападений, различных наступлений и оборонительных действий. Описание персонажей – непосредственных участников военных действий – солдат, неприятель, боевые товарищи (в том числе конь), девушка, мать, отец и так далее. Свершение подвигов, тема самопожертвования, ранение, смерть, плен, предательство. Также представлены темы любви, ожидания и встречи.

В лирическом военном фольклоре, в песнях и частушках, не так много места уделено собственно войне и сражениям; в центре внимания в лирике находятся чувства и мысли героев.

Говоря о своеобразии военных песен, следует отметить их особый символический язык. Один из основных символических мотивов в них — мотив дороги, который во многом совпадает с ролью этого же мотива в

свадебной и похоронной обрядности (там он означает путь в «иной» мир). Частотным в рекрутских песнях является мотив прощания, связанный с мотивом дороги: «*Прощайте, все мои родные, Прощайте, сестры, братьевья...*»; «*Прощай, страна моя родная, Прощайте, милые друзья...*»; «*Ой, ты прощай, прощай, пихтовик, Прощай, Нытвенский завод, Ой, вы, сударушки, прощайте...*». Прощание усиливает мотив дороги, подчеркивает символический переход новобранца в «иной» мир. Активно используется в песнях символика растительного мира, которая образами темного леса, ракитового куста, «черновой» калины представляет солдатскую смерть, передает горестные чувства. Смерть часто предстает как брак, что тоже распространено в других жанрах фольклора (отсюда образ винтовки — *верной жены*, который выполнен в русле традиционных для фольклора аналогий типа *сваха — сабля востра; жена — пуля быстрая, сваха — кучерява верба*; ср. строки типа «*наши свашки были шапки, а штыки были дружки*», и пр.). Особенно богаты символикой старые военные песни, с её помощью передаются печаль, смятение в душе молодого воина, часто и предчувствие гибели.

При рассмотрении языковых средств военного фольклора, необходимо понимать, что русская армия как в XIX, так и в XX веке состояла в большинстве своём из крестьян, которые воспринимали всё происходящее на войне через призму крестьянского восприятия. Часто это мировосприятие не было оформлено идеологически и основывалось прежде всего на мифологических смыслах. Поэтому отраженный в языковой метафорике образ войны прежде всего заключается в ее олицетворении: *война отобрала* (мужа, отца), *война подсекла* «о получившем тяжелое ранение на войне» — от подсечь «срубить, срезать снизу, у основания», *война родилась* в значении «война началась» [21, с. 18].

Метафоры в фольклорных произведениях, содержащие в себе образ войны, носят иррациональный характер. С точки зрения человеческой логики

война – несправедлива. Так, И.А. Подюков и Е.Н. Свалова, рассматривая метафоры в военной лирике, приводят в пример поговорку: «*война посреди г..вна*», которая оценочно характеризует саму сущность войны, презрительно локализуя её в нечистотах. Иррациональность войны связывается также с неизбежной гибелью многих и многих, как, например, в этой частушке:

Много ёлок, много ёлок, много вересинок.

За проклятого германца много сиротинок.

Стихийность войны также отражается в образе хищника, жаждущего крови и смерти. Так, в песнях встречаются такие фразы, как: *война крови пьёт, война живых в могилу клонит*.

Особой метафоризацией обладает явление смерти героя. Так, предсмертное состояние представлено как очень хмельное состояние:

— *Напоил меня*

Русский царь,

Напоил меня тремя поилами:

Первое поило — пулечка свинцовая,

Второе — шашка острая,

Третье — пика длинная [3, с. 124].

Как видно, здесь все образы переводятся связаны с представлением войны и гибели на войне с пиром. Так, царь, по указу которого солдат отправился на войну – «*напоил тремя поилами*», а орудие смерти – само хмельное поило: «*первое поило – пулечка свинцовая, второе – шашка острая, третье – пика длинная*». Здесь также мать, не признает смерти сына и спрашивает его: «*Ты дите ли моё, моя деточка, ты на что допьяна напиваешься?*». Здесь тема смерти сталкивается с процессом эвфемизации, когда страшное для матери известие заменяется на пьянство, как другое объяснение того, почему сын волочится домой и шатается.

Обширный пласт военных частушек – тексты о погибшем миле:

Все военные и пленные вернулись домой,

а моя-то ягодиночка лежит в земле сырой;

Использованный в частушке образ лежания в сырой земле отражает древнюю мифологию Матери Сырой Земли как языческого божества, олицетворявшего саму природу.

В более современном частушечном тексте появляются технические образы связанной со смертью машины:

Вон машина идёт, машина пятитонка.

На машине везут убитого милёнка;

В старом рекрутском причитании «Вы скажите, ради Бога», появляется сходный образ железной машины - паровоза, который увозит милого (*Вы скажите, ради Бога, где железная дорога...; ты машина, ты железна, куды милого увезла*).

Акцент на описании трагических ситуаций, смерти любимого объясним: чувство трагического оказывает «очищающее» влияние, облагораживает человека – заставляет его отрешиться от повседневных мелочей жизни. Об этом говорят и тексты о ранениях, в которых выражается сострадание к милому.

Образ врага в военном фольклоре, чаще всего, проявляется в жанре частушки. Так, в первую Мировую войну в частушках часто высмеиваются «немцы» и «австрияки». Негативное отношение к врагам проявляется в эмоциональных эпитетах: «проклятые», «распроклятые», «немецкий пёс». Также пренебрежительное отношение к врагу проявлялось в использовании прозвищ: «австрияки», «немчура», «немецчина». Вот, например:

Уж как наши-то ребята не боятся немчуры.

Как поймают супостата, оттаскают за вихры!.

В целом, образ врага чаще всего связывается с мотивом угрозы, с непоколебимой верой в победу. Как, например, в частушке времен великой Отечественной войны:

Из колодца вода льется, вода чистый леденец.

Красна Армия деретя, скоро Гитлеру конец.

В частушках от лица любимой солдата также иногда встречается тема победы над врагом, что связывается часто со скорым возвращением любимого домой:

Дайте дроблечке винтовочку и серого коня.

Он убьет заразу Гитлера и кончится война.

При рассмотрении образа врага, важно учитывать то, на какой войне было создано то или иное произведение. Так, в Первую мировую войну в фольклоре можно найти и нейтральное изображение врага. «По сути, русские солдаты не видели в немце носителя зла. Он был для них скорее чужаком, попавшим на фронт по необходимости. Более того, в отдельных песнях можно видеть даже уважение к их стойкости, перемешанное с добродушным подтруниванием над собой:

Ты германец, ты германец, научи нас воевать.

Возьми Ригу и Варшаву, мы не будем унывать» [12].

По словам И.А. Подюкова, «примечательная особенность военных частушек – сравнительно малое количество текстов, в которых содержатся обвинения, проклятия в адрес врага. Враг представлен чаще всего нейтральными этнонимами *немец* (*Кабы с немцем не война, с милым не рассталась бы*), *германец* (*Мой милёнок на войне с германчима дерётся*)» [Подюков, с. 19].

В период Великой отечественной войны враг почти всегда является предметом ненависти и презрения. ««Фриц», «немец» – так называли советские солдаты немецких захватчиков. Кроме того, именовали еще его врагом и фашистом или же просто говорили: «он». Опираясь на солдатский фольклор, можно составить некий обобщенный «вражеский» образ. Жадность, пьянство, злость и трусость – вот его отличительные черты. «*Что фрицы жадны всякий знает...*» – гласит одна из солдатских побасенок» [Ленивихина].

Сатира на врага подбадривала солдат после тяжёлых и изнурительных боёв, помогала хоть на время забыть о страхе и страданиях. По воспоминаниям фронтовиков, немало крепких словечек перепало на долю фрицев. Все поражения и потери, отступления наших войск и зверства фашистов на захваченной территории, вид сожженных городов и деревень – все это накладывало свой отпечаток на солдатское слово. Выражение «*фашистская гадина*», сошедшее с агитлистовок, дополнило этот колоритный образ. Именно гадина – гад, змея – так наиболее ярко выражалось отношение не только солдат, но и всего народа к пришедшему на родную землю врагу. Все отвращение к несущему им злу прослеживается в этих и множестве других «произведениях» солдатского слова.

В фольклорном жанре приметы война отображается, прежде всего, как мистическое явление. Так, во многих приметах подчёркивается противоестественность войны, ее несоответствие жизни мира. Часто войне предшествуют аномальные явления природы: заморозки летом, особо сильный ветер: *Посреди почти что лета мороз вдруг пал; К войне был сильный ураган, лес весь свалило, что пройти нельзя; Белки перед войной много было, прямо в огороды шли по крышам, к войне зайцы по деревне бегали прямо по огородам.*

Также к приметам войны и смерти относили необычное поведение домашних животных либо появление редких зверей. Например: *свинья роет землю – быть беде; Если свинья выроет яму перед чьим-то домом, то в этом доме следует ожидать покойника; Перед войной филин рывкал, как баба ухал* и пр.

В целом, в военном фольклоре и в частности в военной песне наблюдаются употребление различного рода выразительных средств, таких как: психологический параллелизм, ступенчатое сужение образов, символическая образность. Такие средства выражения остаются и в фольклоре XX века. Однако, как верно заметила Е. Голованова, «наряду с

этим изображение войны в песнях с течением времени становится все более реалистичным» [9, с. 134]. В частности, в текстах постепенно закрепляется ассоциация войны с огнем и дымом: *Что за грозная туча подымалася, / Что не черные облака сходилися – / Что подымался выше облак **черный дым*** (Что победные головушки солдатские). В XX веке этот знак-индекс становится устойчивым маркером войны, на его основе возникает осмысление войны как ада на земле: *Смерт(ь) косит / и косит людей без числа / Земля словно **зделалас(ь) адом...*** (Ревет и грохочет мортира вдали).

Образ врага в военном фольклоре, чаще всего, проявляется в жанре частушки. При рассмотрении образа врага, важно учитывать то, на какой войне было создано то или иное произведение. Так, в Первую мировую войну в фольклоре можно найти и нейтральное изображение врага. В период Великой отечественной войны враг почти всегда является предметом ненависти и презрения. В фольклорном жанре приметы война отображается, прежде всего, как мистическое явление. В военной песне наблюдаются употребление различного рода выразительных средств, таких как: психологический параллелизм, ступенчатое сужение образов, символическая образность.

Таким образом, метафора войны в военном фольклоре часто имеет своё лицо. Оно действует иррационально и кровожадно, что, несомненно, пугает человека и ввергает в глубокий страх. Тема смерти героя отражается в военных песнях либо как женитьба (на пуле, на штыке), либо как хмельной угар, что отражает стремление эвфемизировать столь трагичное событие.

В военной песне унаследованы древние метафоры, с помощью которых люди, жившие в далекие времена, воспринимали мир. Фольклор развивался из мифологии, поэтому реалии и понятия войны предстают как мифологизированные персонажи. Словесный образ в фольклоре, как и миф, заменяет сложное и трудноуловимое близким и конкретным, так что это конкретное одновременно и исконно метафорично, символично. Оно, в

конечном счете, и порождает поэтические тропы. Лишь постепенно, когда свойство отделяется от вещи, субъект от объекта и т. д., мифологический образ превращается в фольклоре в художественную метафору. Отсюда обилие в поэтическом языке фольклора всевозможных символов. Так же как исконное словотворчество само во многом подчинялось мифологической логике, так и собственно мифологические сюжеты, а также эпитеты, сравнения, метафоры имеют в своей основе мифологические отождествления

Отражение концепта «Война» в военном фольклоре имеет разветвленную систему образных средств. С помощью этой системы (синтез музыкального и вербального компонентов) образы в песенной военной лирике воспринимаются и переживаются как глубоко личные, но при этом неотделимые от представлений об общей судьбе, война предстает в песнях как «социально-личностное событие», значимыми оказываются межличностные отношения, нормы поведения в экстремальной ситуации, в которой задействован как главный герой произведения, так и герои, представлявшие социум.

2.2. Символическое содержание военных песен

Фольклорные тексты отражают символический способ мышления. В основе символов зачастую лежат, помимо стереотипных и индивидуальных образов, древние архетипы, образы, являющиеся достоянием «коллективного бессознательного» [24].

С. Е. Никитина отмечает, что многие слова языка фольклора живут двойной жизнью: как обозначение вещного мира и как символы, знаки напряженного поля традиционных смыслов, актуализирующие часть неосознанных архетипических представлений [17, с.385.] Фольклорное слово наделено ассоциативными смыслами, которые обусловлены всей системой фольклорного мира и его языка. «Вторичные текстовые» смыслы фольклорных лексем разнообразны, они зависят от жанра произведения, места слова в тексте, семантического окружения. [21]

В данном параграфе обратимся к анализу системы символов военного фольклора. Среди них отмечены и общefольклорные символы, распространённые в семейном, обрядовом и лирическом фольклоре в целом, и символы специфически военные.

Набор символов в военной песенном фольклоре достаточно разнообразен по своим основаниям. Символы военной лирики можно разделить на отдельные подгруппы.

Природные символы.

Наиболее часты в песенной лирике метеорологические символы – ветер, туман, тучи, дождь, гроза и водные – море, река. Причиной тому служит отсылка к древним мифам, в которых появление природных явлений отождествляется с волей каких-либо высших сил. Боги, в качестве высших сил, были для людей недоступны, таинственны и вызывающими страх. Люди боялись божьего гнева. Война, для многих считалась наказанием высших сил. Это сравнение сохранилось и до XX века.

Ветер в военных текстах наделяется свойствами демонического существа, стоящего на службе у сил зла (хотя в фольклоре в целом он может быть и подателем блага и несчастья). Он представляется как злой, он летает над полем битвы, срывает шапку с воина. В песне «Жалко до слез родных берез»: *Раненый стонет, зовет, проклинает. / Ветер над полем кровавым летает - / Праздно лежащим оружием звенит, / Волосы мертвых бойцов шевелит! / На вершине его не растет ничего.* Ветер в данном случае выступает как помощник войны, стоящий на стороне зла. Ветер, глядя на смерть спокойно летает по полям, он осматривает свои владения, звенит ружьями, шевелит мертвых бойцов, будто радуется тому, что видит.

Тучи - символ печали, всякого счастья, в частности чужих, враждебных людей [26, т.5, с. 333] (в свадебном фольклоре, например, тучей представляется свита жениха). В военных песнях грозная тучка обозначает опасность: *Над страной гремела гроза. Прогремела война по дорогам / прогремел революции гром.* **Например, в частушке:** «*Темна туча, темна туча из-за запада идет. / Наша армия могуча, эту тучу разобьет*». Темная туча – образ надвигающегося врага. Обозначает опасность. Вторая строчка смягчает эту опасность, психологически настраивая на то, что для русской армии эта опасность ни по чем и туча (враг) будет уничтожена.

Дождь – символ божественного благосостояния, очищения, плодородия. В народной традиции объект почитания и магического воздействия (вызывания или остановки). Символизирует оплодотворяющую силу. Ливень может толковаться как гнев и решимость бога неба очистить греховный мир. [26, т.2, с. 106] Дождь – неотъемлемая часть грозы, которая также предстает в образе предвестника войны. Гроза издавна считалась опасным природным явлением, её боялись и именно поэтому в фольклорных песнях она предстает в образе войны – страшной нависшей над людьми угрозой. **Показать смысл дождя в военных текстах как стихии, которая дает жизнь. – не могу нигде найти подобных текстов...**

Туман. Частый элемент военных песен, знак неизвестности, неуверенности перед будущим, мистический знак границы между человеческим и потусторонним миром. Основание этого природного символа – срединное положение между верхом и низом, физические свойства (невозможность ориентироваться). [5] Например, в песне «Защитим родимый край» (Крымская война): *Что не ветры, не туманы / Идут в западных краях.*

Не прокляты ураганы / Возмутились в стенах — К нам в Россию басурманы / Идут силу испытать, Как французы англичанам Дали слово помогать, С гор пытаят турок биться, / Россию хочет покорить. Знать-то, братцы, ему не придется, / Не придется Россию спокорить: / Мы заступим правою ногою / И защитим родимый край. «Что не ветры, не туманы» - символ приближающейся беды. В данном случае эти природные символы выступают в образе врага, который шел на русскую землю с запада. Далее, ветер приобретает более мощную форму – «*Не прокляты ураганы*». Хоть враг и представляется в этой песне как что-то мощное и неизведанное, русский солдат готов дать отпор, кроме того, в последних строчках песни «*Мы заступим правою ногою / И защитим родимый край*», воины понимают, за справедливость и правоту нужно бороться.

Космические символы – небо, звезда, солнце.

Небо - часть мироздания, «верхний» мир, сотворенный Богом и часто отождествляемый с ним как высшая религиозная ценность.

Небесный мир представляется либо как изоморфный (подобный) земному, либо как зеркальный по отношению к нему. Поэтому небесные явления и небесные знамения служат предвестием важных событий. [26, т.3, с. 376] Небо, как и гроза является символом приближающейся беды. Чаще символика неба мелькает в народных приметах. В качестве предвестника войны выступает небо, окрашенное в красный цвет или небо с красными полосами, где красный цвет соотносится уже с цветом крови: «*Перед войной*

небо вскрылось, красное всё стало» (Зап. от Макаровой А.Г., с. Романово Ус.); *«Перед войной небо было как кровь красное»* (д. Зинково Кос.); *«Перед войной всё небо было в красных полосках, длинных, и как будто бы люди по ним с ружьями ходили»* (Чуртан Гайн.). [17, с.7]

Зоосимволы.

Конь имеет отношение к военной атрибутике (как непосредственное, так и мифологическое) – символ жизненной силы и власти, магический помощник воина. Символ войны и победы. В сказках это помощник, защитник, верный друг, символ смены дня и ночи, спаситель, жертва, символ доверия. Боевой конь – символ служения родине. У коня как необходимого атрибута казака-воина (15 эпитетов, а именно: *вороной, гнедой, серый, казачий, боевой, весь убранный серебром, с черкесским бархатным седлом, с турецким бархатным седлом, с походным вьюком, лихой, жвавый, борзый, добрый, верный, неезженный*): всего четыре – *вороной, добрый, дужий, убранный серебром*. Эпитет *вороной*, как и любой постоянный эпитет, выражающий нормативность, идеальность характеризуемого образа (Никитина) – в данном случае – образа боевого коня – образует смысловое единство с определяемым существительным *коник*, а дополняющий его распространённый эпитет *убранный серебром* обогащает, украшает внешний облик коня командира. Образ коня, эксплицирующий мотив сражения, и конь как волшебный помощник представлены в песне «Вы поля...»:

*Вы поля, вы поля, поля чистые, Как на вас, на полях, урожаю нема. /
Только выросла одна кучевая верба. / Как под этой вербой солдат битый
лежит, / Он убит – не убит, весь изранен лежит. Во ногах у него конь
вороной стоит. Уж ты, конь ты, мой конь, конь - товарищ ты мой,
Побегай-ка домой, во Россию домой. Во Россию домой, к отцу, к матери
родной, К моей жёнке дорогой. Передай ты, мой конь, что женат на другой,
Что женила меня пуля немилая, Обвенчала меня шапка вострая, А невеста*

моя – гробовая доска. Ох, и тёща моя – мать-сырая земля, Ох, и свечка моя – глубокая яма.

Песня «Вы поля, вы поля» повествует о гибели солдата на войне. Главный герой песни – погибающий солдат. Символом смерти является кучевая верба, которая раньше высаживалась на могилах. Он просит своего верного коня, боевого товарища сообщить о его неминуемой гибели. Конь приобретает символ проводника в мир иной и является «связистом» мира живых и мертвых. Образ смерти представлен как женитьба на другой.

Орнитоморфные (птичьи) символы. Орел, сокол, лебедь, сова, кукушка.

Птицы (в зависимости от вида) являются проводниками в иной мир, посланники небес.

Орел (сильная хищная птица) символ власти и победы, мужество, отвага и бесстрашие. Изначально орел, связанный с небом, символизирует верхний мир. [5] Божья птица, владыка небес. Он живет дольше всех птиц и обладает способностью к омоложению: когда наступает старость, он улетает на край света и, искупавшись там в озере с живой водой, снова обретает молодость. Про степного сизого орла поется в знаменитой «Катюше» .

*Вдоль по линии Кавказа
Пролетал сизой орел.
Он летал перед войсками,
Передавал строгий приказ:
Кабы были у вас, братья,
Ружья новые в руках,
Ружья новые, винтовки,*

В песне «Вдоль по линии Кавказа» сизой орел предстает в образе идейного вдохновителя. Как истребитель змей и драконов орел является символом победы света над темными силами, победы духа над плотской

природой. Очень часто русские солдаты в песнях предстают в образе орла, как сильного характером бойца, непоколебимым духом.

Кукушка — символы печали, несчастья и горя девушки. «Кукушка вдали куковала». Одна из наиболее мифологизированных птиц с ярко выраженной женской символикой, связанная с горем, разлукой, смертью и миром мертвых. Особо выделяется символическая корреляция кукушки с соловьем. Безбрачный статус и отверженное положение в птичьем сообществе сближают кукушку с совой. [26, т.3, с. 36]

Встречается также и в рекрутских причетах.

*Не кукушечка во сыром бору куковала,
Не соловушка в зеленом саду громко свищет —
Добрый молодец, во неволюшке сидя, плачет,
Обливается горячими слезами.
Как берут меня, доброго молодца, в неволю,
Уж как вяжут добру молодцу белы руки,
Что куют-куют добру молодцу скоры ноги,
Везут-везут добра молодца во город,
Отдают там доброго молодца в царску службу.*

Здесь пение кукушки сравнивается с причитаниями солдата, которого забрали на рекрутскую службу. Пение кукушки символизирует горе, разлуку с родным домом.

Ворон (черный ворон). Ворон вещая птица, как трупная, хищная, черная долгоживущая птица (живет сто или триста лет) обычно воспринимается как властитель самой смерти и ее воплощение. Предсказывает смерть к тому же, поскольку голос этой птицы считается неблагозвучным, он ассоциируется исключительно с дурными новостями (карканье воспринимается как возглас «кровь, кровь»).

Чёрный ворон, чёрный ворон, Что ж ты вьёшься надо мной, / Ты добычи не дождёшься, Чёрный ворон, я не твой. / Ты добычи не дождёшься, Чёрный ворон, я не твой. В песне «Черный ворон» приносит родным весть о погибшем солдате (ср. в сказках - ворон приносит живую и мертвую воду герою). Об этом его просит сам герой, который сравнивает свою смерть со свадьбой. *Отнеси платок кровавый / Милой Любушке моей, Ты скажи, она свободна, / Я женился на другой. Взял невесту тиху стройну В чистом поле под кустом. Обвенчална была сваха Сабля острая моя.*

Растительные символы. Калина, береза, рябина, ракита, ель, дуб, трава.

Береза - это символ плодородия и света, девичество. Одно из наиболее почитаемых деревьев (наряду с дубом, вербой и др.). Береза — дерево «счастливое», оберегающее от зла, и одновременно вредоносное, связанное с нечистой силой и душами умерших. Во многих поверьях, обрядах и фольклорных текстах Береза символизирует женское начало и противопоставляется дубу (реже другим деревьям) как мужскому символу. Например, в русских обрядовых приговорах при сватовстве дуб и Береза символизировали жениха и невесту. [26, т 1. С. 156]

«Саше случалось звать и печали»

Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым;
Низко летали, вились колесом
Совы, шарахаясь оземь крылом;

Береза в песне - это символ плодородия и света. Так же береза символизирует девичество, поэтому в этой песне береза аллегорически изображает девушку, попавшую в плен.

В этой песне девушки жаловались на подневольную жизнь.

В строчке *«Корчили с корнем упорный дубняк»* сиволика слова «дуб» обозначает солдат, это символ гордости и высокомерия; эмблема силы, проявляющейся в беде, твердости в вере и добродетели.

В строках *«Ветер над полем кровавым летает»* - Ветер, с точки зрения символики, — не просто движение воздуха, а сверхъестественные проявления, которые отражают намерения богов. То есть ветер знает, что было и предсказывает, что будет. В целом ветер по своим последствиям представляет собой узнаваемое, но «невидимое» воздействие, божественное дыхание.

В строчке *«Совы, шарахаясь оземь крылом»* сова является символом мрака и смерти. Бесшумный ночной полет, светящиеся глаза и жуткие крики повлияли на то, что сову связывали со смертью и оккультными силами. Ее считали птицей смерти в Древнем Египте, Индии, Центральной и Северной Америке, Китае и Японии. Как ночная птица сова — символ грусти, ностальгии и одиночества. Кроме того, она олицетворяет опустошение и несчастье, темноту, ночь, дождь. Во многих традициях совы несут угрозу, пророчат беду.

Дуб – символ гордости и высокомерия; эмблема силы, проявляющейся в беде, твердости в вере и добродетели. В традиционной культуре славян самое почитаемое дерево, связанное с богом-громовержцем и символизирующее силу, крепость и мужское начало; место совершения религиозных обрядов, объект и локус жертвоприношений. [26, т 2, С. 141]

Как сказали сырому дубочку:

«Утром рано мороз будет».

— «Я морозу, дубок, не боюсь,

Сейчас я развернуся».

Как сказали молодому солдату:

«Утром рано поход будет».

— «Я походу, солдат, не боюсь,

Я сейчас пойду соберуся».
Собирался солдат, снаряжался,
И со всеми солдат прощался.
«Вы прощайте, добрые люди,
Может, с кем я поругался».
Поругался солдат, побранился,
С дороженьки воротился.
Зарастайте мои все тропы-дороги
Травой-муравою,
Листом-лопухами,
Пестрыми цветами..

В песне «Как сказали молодому дубочку» дуб выступает в образе солдата. Дуб – сильное могучее дерево, поэтому его сравнивают с русским солдатом. Сначала дуб говорит о том, что не боится мороза, что может выстоять, а затем солдат говорит абсолютно все тоже самое. Символ духа и стойкости воина воплощается в образе дуба.

Ракита (ива) – смирение, рвение, символ покоя, миротворения. Ива символизирующая горе и смерть, присутствует на картинах, изображающих Распятие. Поскольку ива продолжает цвести независимо от того, сколько ветвей срезано у дерева, она также служит символом Евангелия, которое остается неизменным, хоть и разошлось по всему миру. [5]

«Уж ты поле мое, поле чистое..»
«Уж ты поле мое, поле чистое
Ты раздолье мое, ты широкое.
Ты раздолье мое, ты широкое,
Чем ты, полюшко, приукрашено?»
— «А я, полюшко, всё цветочками,
Всё цветочками, василечками!»

Посреди-то поля част ракитов куст,

Под кустом-то лежит тело белое.

Здесь говорится о поле, как о родной земле. Поле, как мать-земля, кормилица всего живого. С виду оно прекрасно, поле, усеянное васильками, но тем не менее оно таит в себе страшное. В данном случае – это ракитовый куст, под которым похоронен солдат.

Трава-мурава – символ забвения. Трава – атрибут многих обрядов и ритуалов. Относится к диким растениям. Травы являются одним из локусов народной демонологии. Используется не только в лечебных целях, но и как средство для гаданий и различных обрядов. [26, т.2, с.308] Считалось, что траву нужно собирать в молчании. «Поросло травой». «Шелковая трава». «Ковыль-травка проросла».

«Э-ох, что ж ты, волюшка»

Э-ох, что ж ты, волюшка моя, во... моя волюшка,

Воля дорогая,

Э-ох, да где же ты, моя во... моя волюшка,

Воля оставалась?

Э-ох, осталась моя во... моя волюшка

На родной сторонке,

Э-ох, во батюшкином зелё... зеленом саде

Воля загуляла,

Э-ох, на матушкином на красном, на красном окне

Воля залежала.

А-ох, распремила была сторо... да сторонушка,

Была под Печерской,

Э-ох, разгульвивые были гулянки, гуляночки,

То были Углянски,

Э-ох, разорённая была деревня, деревенька,

То была Декшинская,

Ох, за то она разорё... разорённая –

Нету девок, мальцов.

Ох, разорил-то эту дере... деревеньку,

Да вот вор-боярин,

Э-ох, разудалых добрых моло... молодцев

Поотдал в солдаты,

Э-ох, расхороших красных де... да вот девушек,

*Всех замуж повидал.
Э-ох, зарости ты мое подво... подворыще,
Широко, далеко,
Э-ох, широко было и далё... далёко,
Да травую, муравую.*

В песне главный герой поет о свободе, которая осталась на его Родине. Тоска по родным местам типичная тема для солдат, оказавшихся на фронте. Солдат обвиняет войну в том, что она разорила его родную деревню, но сама война воплощается в образе вора боярина «*Да вот вор-боярин, Э-ох, разудалых добрых моло... молодцев. Поотдал в солдаты, Э-ох, расхороших красных де... да вот девушек, Всех замуж повидал.*» В последних строчках солдат, видимо, прощается со своим домом навсегда, просит, чтобы все заросло травую. Трава здесь выступает символом забвения.

Символы дороги. Вообще, символ дороги является основным мотивом рекрутских песен. Главными символами пути при этом выступают «суденышки», «пароход», «троечка ямская», «коляска», «карета», «саночки», «паровоз». Все они так или иначе были связаны с рекрутскимипроводами. При существовавшей в Прикамье в XIX — начале XX вв. системе сбора рекрутов родственники отвозили призывников до волостного пункта сбора, затем рекрутов пересаживали «на ямщину» и везли к селу или городу, где происходила посадка новобранцев на пароход. Распространенный в Прикамье мотив дороги-реки (как и парохода) следует считать одной из характерных особенностей именно пермского фольклора. С этой точки зрения показательны и встречающиеся в Прикамье контаминированные сюжеты, в которых путь-дорога становится дорогой-рекой: «*Путь-дорожка не малая, Не малая, волновая, Ничего в волнах не видно...*». С другой стороны, мотив дороги символичен и связан с дорогой в «иной» мир: «*к чужедальним городам, к чужедальним, незнакомым*». В частушке: «некрутам такая жизнь, только в саночки садись. Саночки дубовые, прощайте, чернобровые» — глубоко мотивированным следует считать обращение к

мотиву сидения в санях. Как известно, русская идиома сидя на санях означает состояние человека, готовящегося к смерти.

Таким образом, наиболее частотные символы в фольклорных произведениях – это природные символы (туман, тучи, ветер, гроза и водные образы). Тучи встречаются и в свадебном фольклоре, в котором они приобретают значение свиты жениха, но конкретно в военной песне туча имеет значение беды. Растительные (береза, трава-мурава, дуб), зоосимволы, представленные в основном символом коня, орнитоморфные (орел, ворон, кукушка), реже – лебедь, голубь. Специфические смыслы именно в военных текстах чаще всего имеют растительные символы, например, ракита (ива). Именно в военной песне она приобретает значение гибели героя, добавляет оттенок печали. Метеорологический символ «ветер» в общefольклорной традиции чаще является носителем блага. Но в фольклоре военных лет он является недругом, предвестником беды. Конь может выражать различные значения, но чаще всего в текстах солдат он отождествляется как верный друг, боевой товарищ и волшебный помощник. Также может являться проводником в мир иной, так как он тесно связан с символом дороги.

2.3. Комбинация символов в текстах военного фольклора

По мнению В.Н.Топорова, когда вещь приобретает символическое значение (плат, гребень, лента, пояс, кольцо и т.п.), «мир вещей подключается к сфере духовного и человеческого как особый язык и симболарий» [Топоров 1995: 98]. Слова с темпоральной семантикой (рассвет, заря, вечер, ночь) служат в фольклорном тексте не только для обозначения времени суток, но и вносят дополнительные смысловые оттенки: «рассвет», «заря» - «защитное время», «ночь», «вечера» - «опасное время».

Способы подчеркивания символичности слова в фольклорном тексте разнообразны. Это положение слова в сильной текстовой позиции (зачин, финал), повтор слова-символа и пр. Одним из приемов привнесения в текст символического смысла является использование «синонимических» символов, контрастных символов. Для песенной фольклорной картины мира крайне значимой является оппозиция «свой -чужой», в соответствии с этим в солдатских песнях мы встречаем противопоставления «горы» - «степью». Слово «дорога» в песнях обозначает не только место для передвижения, а выступает как знак границы между своим и чужим миром.

В своей совокупности символы составляют символическую структуру фольклорного текста, которая представляет его глубинный уровень.

Рассмотрим далее, как комбинируются символы.

«Ой, да ты калинушка»

Ой, да ты, калинушка,

Ты, розмалинушка!

Ой, да ты не стой, не стой

На горе крутой.

Ой, да ты не стой, не стой

На горе крутой,

Ой, да не спущай листа

Во синё море.
Ой, да не спущай листа
Во синё море,
Ой, да во синём-то море
Корабель плывет.
Ой, да во синём-то море
Корабель плывет,
Ой, да корабель плывет,
Аж вода ревет.
Ой, да корабель плывет,
Аж вода ревет.
Ой, как на том корабле
Три полка солдат.
Ой, как на том корабле
Три полка солдат.
Ой, да три полка солдат,
Молодых ребят.
И командир-майер
Богу молитца,
А рядовой-то солдат
Домой проситца:
- Командир- майер,
Отпусти-ка меня домой,
Отпусти-ка меня домой
К отцу матери родной,
И к моей женушке молодой.
Ой да к женушке да молодой,
К малым детонькам
Ой да к малым детонькам,

Малолетонькам

Усольский район, Сборник «Война и песня»

Первые строки песни рисуют нам картину молодой девушки, которая стоит на горе. Растительный символ калины – означает чистую и невинную девушку, а гора (природный символ) в народной представлении это локус, соединяющий небо, землю и «тот свет»; место обитания нечистой силы, совершения обрядов. Символ горы повторяется в тексте два раза, а символ печали, горя и разлуки – море - четыре. Море являет образ безграничного пространства, границы между мирами. В народной фразеологии и верованиях море противопоставляется земле (по признакам «зыбкий-твердый», «мокрый -сухой») и небу (по признакам «глубокий-высокий», «нижний-верхний»). Море в тексте синее, потому что в нем отражается небо. Эти два пласта по народным верованиям, образуют единое космическое пространство: море смыкается с небом на горизонте.[26, т.3, с. 299]

Повторы в тексте имеют важную роль. Они используются, чтобы организовать особый ритм песни. С помощью повторов можно подчеркнуть самое важное. Повторяется те строки, на которых необходимо сконцентрировать внимание. Эти повторы служат развитию мысли и, соответственно, развитию семантического пространства. Плывущий корабль также имеет свою символику. По славянским повериям корабль (лодка, ладья) это мифологизированное транспортное средство, связующее мир живых с «тем светом». Также образ лодки связан с древнейшими обычаями кремации в ладье. Общеславянским является фольклорный мотив перевоза через реку как символ брака. [26, т.3, с. 128] Корабль с тремя полками солдат плывёт по синему морю. Солдат отправляют на верную гибель. Об этом говорится в следующих строчках *«Ой, да корабель плывет, Аж вода ревет»*. Строчка повторяется два раза. Все это прекрасно понимаю *«Командир-майор Богу молится, а рядовой-то солдат домой просится»*. Командир, зная, что везет солдат на верную смерть ничего не может поделать, приказ есть приказ.

А солдату умирать совсем не хочется, дома отец, мать жена и дети. В этих просьбах солдат делает акцент на своей семье, также эти строчки повторяются три раза, что усиливает глубину просьбы и душевной боли солдата. Набор символов, представленный в этой песне выражает тяжелое эмоциональное переживание героев: как самих солдат и их командира, так и тех, кто дожидается на противоположном берегу, на который им скорей всего уже пути нет.

«Вдоль по линии Кавказа»

Вдоль по линии Кавказа
Пролетал сизой орел.
Он летал перед войсками,
Передавал строгий приказ:
Кабы были у вас, братья,
Ружья новые в руках,
Ружья новые, винтовки,
Револьверы в кобурах.
Мы поедем с вами, братья,
За границу воевать.
Под зеленою ракитой
Русский раненый лежал.
Он к груди своей пробитой
Крест свой медный прижимал.
Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок.
Тут злетались вороны,
Чуют лакомый кусок.
Ты не вейся, черный ворон,
Над моею головой.
Аль погибель мою ищешь ?
Я солдат еще живой.
Ты послушай, черный ворон,
Что я буду говорить:
Ты злетай-ка, черный ворон,
К моей мамоньке родной,
Передай-ка, черный ворон,
Мой платочек кровяной.
Ты скажи моей невесте:
Я женился на другой.
Я женился на винтовке,

Сабля свахою была.
Взял приданое большое
Много леса и лугов.
Хороша была невестка:
Угощала вострием.
Записано в д.Боголюбь Осинского района.

В песне «Вдоль по линии Кавказа» сизой орел предстает в образе идейного вдохновителя. Как истребитель змей и драконов орел является символом победы света над темными силами, победы духа над плотской природой. Очень часто русские солдаты в песнях предстают в образе орла, как сильного характером бойца, непоколебимым духом. Орел здесь имеет свое исконное значение. Здесь ему противостоит черный ворон – вестник смерти. Но в то же время ворон выступает как помощник солдата, связующее звено между живыми и мертвыми. Умиравший герой просит сообщить о смерти его родным, просит передать *«платочек кровяной»*. Смерть вновь предстает в образе женитьбы. Снова противопоставление. Смерть – это конец плотской жизни, а свадьба, наоборот, - начало. Концепт «смерть» противопоставляется содержанию концепта «свадьба». Свадьба, мифологически осмысливаемая как смерть (умирание) главных ее участников в одном качестве и их рождение в другом, словно воспроизводит свое древнее значение перехода, но с изменением результата. Понятность каждого из этих образов для человека, возможность их прочувствовать и заново пережить делает их одновременно глубоко личными и коллективными, обнажает сокровенные для человека смыслы.

Край дорожки, край широкия было, московской,
Тут стояла зелена елинка,
Не толстая, собою ровная,
Со вершиночки до самого корня.
Что на этой было елинке,

Что на самой было на вершинке,
Тут сидела дорогая пташка,
Горегорькая бедная кукушка.
Не кукует, всё бедна горюет,
Жалобнешенько, слезно причитает,
Под елинушку сама взирает:
Под елинушкой лежит молодчик,
Не убит он лежит, не застрелен —
Вострой сабелькой весь он изрублен.
Что на молодце была рубашка,
Тонка, беленька была бумажна,
Во крови-то она была, кумашна,
Во грязи-то она была, китайна.
Тут спроговорит душа молодчик:
«Уж ты мамушка, зелена елина!
Отпусти ты свое прутьё-витьё!
Ты прикрой мое тело белое,
Чтобы дождиком тело не мочило.
Красным солнышком тело не сушило,
Чтобы звери тела не терзали,
Чтобы вороны тела не клевали». (Кишертский район, сборник «Война и
песня».)

Так, например, в следующем отрывке комбинируются орнитоморфные и растительные символы:

*Тут сидела дорогая пташка, Горегорькая бедная кукушка.
Не кукует, всё бедна горюет, Жалобнешенько, слезно причитает,
Под елинушку сама взирает:*

Сначала перед нами предстает образ кукушки, а затем образ ели. В данном случае символ кукушки говорит о случившейся беде. Как правило

кукушка в песне – это девушка, оплакивающая гибель своего суженого. Так и в этой песне «*Жалобнешенько, слезно причитает*». Далее мы узнаем о причине её слез. В песне просматривается четкая последовательность.

Ель маркирует тему смерти и представляет могилу солдата. Как прибежище для мёртвого, она очевидна и в следующем отрывке:

Уж ты мамушка, зелена елина!
Отпусти ты свое прутьё-витьё!
Ты прикрой мое тело белое,
Чтобы дождиком тело не мочило.

В этой песне ель (елинушка) отражает материнские чувства к погибшему бойцу. Во многих фольклорных текстах природа символизирует родной дом, семью, поэтому благодаря растительным символам происходит её олицетворение и осмысление смерти как возврат к истокам не конкретного человека, а всего народа. Солдату, как патриоту своей страны хотелось быть похороненным на своей земле, а не на чужбине.

Рассмотрим также систему символов в отдельных произведениях военного фольклора. Для осмысления незнакомого для крестьян военного дела проходит через ассоциации с привычным трудом на полях. В связи с этим образ войны зачастую раскрывается через символы пахоты и специфического орудия:

.
Пашню пашем мы в глухую ночь
Не сохой — штыками, бомбами.
Не цепом молотим — пулями
По немецким, по головушкам.. [8].

Явление болезни и смерти символизируются в песнях образами вороны, полотенца на стене, блина на блюде, корыта, накрытого другим корытом. Также тема смерти часто соотносится с женитьбой, с мирной

семейной жизнью, где символом оружия и элементов солдатского быта становятся члены семьи: *Наши жены — ружья заряжены, штывы присажены; Наши дети — ложки полужёны, в сумы положены, в поход припасены; Наши тетки — шапки теплы на буйной головке.*

Также в военной песне встречаются символы предвестников войны, которые, по-видимому, взяты из жанра приметы. Так, в качестве предвестника может выступать небо, окрашенное в красный цвет, или небо с красными полосами, где красный цвет соотносится с цветом крови. В этих приметах проявляется древняя идея участия природы в жизни человека (архаичное представление о единстве человека и мира). Отмеченные в них изменения предвоенного неба человек обозначает через олицетворения: *небо взволновалось, небо затряслось, свет ходит.*

Родная природа символизирует родной дом, семью, поэтому происходит её олицетворение. Так, в одной из песен ель (елинушка) отражает материнские чувства к погибшему бойцу:

Вместе с этим образ ракиты в русском фольклоре в целом, как правило, соотносится с понятием траурности, утраты. Данный символ появляется и в военной пене, сохраняя своё значение. *«Под ракитой зеленой русский раненый лежал...» («Вдоль по линии Урала»); «Я стояла и рыдала у куста ракитова. Из окопа выносили милого убитого».* По словам Н.Ю. Копытова, «произрастание ивы по берегам рек определяет ее принадлежность к inferнальному миру и зависимость от него» [14].

В современных народных песнях акцент делался на тяжести военного быта, на ратном труде воинов, на тоске солдат по родному дому. Приведем наиболее характерные для народных песен сочетания: *«покамест бушует война»; «над страной прогремела гроза, взяли в армию милого парня», «раны тяжелые, кровавые, смертные», «слезы горячие», «кровь горячая».* Война

и в целом служба солдатская уподоблялись в песнях ненастью – снегу, буре, ветру, грозе – с раскатами грома и тучами.

Водные образы: море, река, дождь, туман – выражали в песнях печаль, тоску, горечь разлуки («бежит речушка слезовая, на ней струюшка кровавая» и др.). И сами слёзы в песнях становятся символом бесчисленных страданий, которые принесла с собой война. Так, слёзы отражают горе об убитом на войне:

Повстречали – огнем угощали.

Навсегда уложили в лесу.

За великие наши печали,

За горячую нашу слезу.

Слёзы также отражают страх и мучения от разлуки и неизвестности дальнейшей судьбы любимого. Здесь, героиня стремится держать в себе все переживания, сдерживая слёзы:

Я на подвиг тебя провожала,

Над страной гремела гроза.

Я тебя провожала

И слезы сдержала,

И были сухими глаза

Смерть и угроза быть убитым являются такими темами, которые сложно осмыслить напрямую. К смерти человек подготовиться не в состоянии, но осознание этой угрозы через символы и сопутствующие значения помогают преодолеть этот барьер. Так, угроза быть убитым, бой перед лицом смерти часто совмещаются с образами героизма.

Двенадцать ранений хирург насчитал,

Все пули засели глубоко,

В бреду лишь отважный моряк напевал:

«Раскинулось море широко».

Здесь акцент смещается с самого основного события – умирания героя, на его героическое поведение, на его преодоление страха.

Таким образом, применение символов в военной песне представляет собой сложную структуру, направленную на обозначения войны, смерти, героизма и горе по погибшему солдат. Так, сама война может раскрываться через символы, связанные с пахотой, а оружие и быт солдата через образы семейной жизни, что отражает стремление осмыслить происходящее через знакомые образы. Родная природа часто отражает родной дом, семью, что выражается в материнских чувствах, которую проявляют деревья и птицы, скорбь и забота о раненном или умершем солдате. Иногда природные образы символизируют горькую потерю, как например, ракита. Слезы в песнях становятся символом бесчисленных страданий, которые принесла с собой война. Вместе с этим, сама смерть героя часто сочетается с понятием героизма и долга.

*«В чистом поле под ракитой»
В чистом поле под ракитой,
Где клубится по ночам туман
Эх, там лежит, в земле зарытый,
Там схоронен Красный партизан.*

*Я сама героя провожала
В дальний путь, на славные дела.
Боевую саблю подавала,
Вороного коника вела.*

*На траву, да на степную.
Он упал, простреленный в бою.
Эх, за Советы, за страну родную
Отдал жизнь геройскую свою.*

*В чистом поле, в поле под ракитой,
Где клубится по ночам туман
Эх, там лежит, в земле зарытый,
Там схоронен Красный партизан...*

Важная тема в военном фольклоре Прикамья – поминание убитого бойца, как в песне «*В чисто поле, поле под ракитой...*». Здесь, во-первых, сам пейзаж задаёт ситуацию горестного события (символ ракиты и локация – поле). Первая часть песни относится к настоящему:

*В чисто поле под ракитой,
где клубится по ночам туман,
Эх, там лежит, под землёй зарытый
Там схоронен красный партизан* [1, с. 153].

Здесь представляется пейзаж, где в центре внимания, несомненно, находится могила умершего партизана. Но это не пейзаж конкретного места, по всей России таких полей тысячи. Туман становится символом чего-то неизведанного. Далее, возлюбленная партизана обращается к прошлому, вспоминая, как она сама провожала его, как давала оружие и коня.

*Я сама героя провожала
В дальний путь на славные дела.
Эх, боевую саблю подавала
Вороного коня подвела* [1, с. 153].

Здесь подготовка к бою имеет ритуальную форму и повторяет былинную традицию, где богатыря также снабжали оружием и приводили его верного коня. Так, подчёркивается героичность образа партизана. Здесь поход на войну интерпретируется как воинский долг перед родиной, как подвиг («на славные дела»). Подчёркивается и решительный характер партизана: «*молодой, горячий, непреклонный он изъездил тысячи дорог*» [1, с. 153].

*«На возморье мы стояли»
На возморье мы стояли,
На германском бережку.
На возморье мы стояли,
На германском бережку.
На возморье мы смотрели,
Как волнуется волна.
На возморье мы смотрели,*

*Как волнуется волна.
Не туман с моря поднялся,
Частый дождичек пошел.
Не туман с моря поднялся,
Частый дождичек пошел.
В это время в эту пору
Враль-германец подошел.
Врешь ты, врешь ты,
Враль-германец,
Тебе некуда пойти.
Как у русских войска много,
Русский любит угостить.
Угости, свинцова пуля,
На закуску стальной штык,
Штык стальной, четырехгранный,
Грудь немецкую пронзил.*

В этой песне воспроизводится традиционная символика моря, тумана как предвестия беды. Действие происходит на «бережку» моря, поднимающийся туман и волнующиеся волны выступают предвестником беды, также как и дождь. Дождю как правило сопутствуют тучи, нередко и гроза. Все эти природные явления находят отражение в следующих строках: «*В это время в эту пору, Враль-германец подошел*». К границам русских земель подошел немец. Солдаты отважно стоят на защите своей Родины и ждут неприятеля с «угощением». В качестве угощения выступает «*свинцова пуля*», «*стальной штык*» - олицетворения смерти. Германец сравнивается с вруном. Это сравнение подчеркивает всю подлость и бесчестие врага.

«За лесом солнце воссияло»

*За лесом солнце воссияло, там чёрный ворон прокричал.
Слеза моя на грудь упала, последний раз прощай сказал.
Прошли часы мои, минуты, когда я с девушкой гулял.
Прощайте, девушки-красотки, прощайте, милые друзья.
Быть может, еду я на время, а всё быть может навсегда.
Дайте мне коня гнедого с черкальским убранным седлом.
Я сяду, сяду и поеду на Дальний Восток воевать.
Дадут винтовочку мне в руки, лопату, верную жену.
В чужом краю не то что дома, свернешься, ляжешь на полу.
Родная мамонька не скажет: “Давай, сыночек, постелю”.
Быть может, меткая винтовка сразит меня из-за куста,
Быть может, пика прокажена пронзит грудь белу у меня.
Быть может, шашка-лиходейка разрубит голову мою,
Разрубит череп на две части, из ран польётся ала кровь.
Никто мальчишку не проводит, никто слезинки не прольёт,
Только мать моя проплачет да сёстры песни пропоют.*

В этом произведении изображается картина гибели героя, она содержит не просто возможные варианты смерти *«Быть может меткая винтовка, сразит меня из-за угла»* - в значении «неожиданно», герой не может знать, что с ним произойдет на службе, поэтому и говорит о разных вариантах своей смерти. *«Пика прокажена»* - слово прокаженный символизирует что-то нечистое, темное и морально павшее, *«пронзит белу грудь мою»* - чистую, невинную душу. *«Шашка-лиходейка»* - опять же в значении неожиданности. Лиходейка – хитрая, злая женщина, в данном тексте она сравнивается с холодным оружием. Она выстроена как своеобразная поэтизация смерти, укладываясь в представленную обрядом проводов в армию аналогию ухода в армию со смертью. Истинным смысловым содержанием становится не сама эта тема, а представленная в тексте концепция этой смерти. Привлеченные в текст образы фактически объясняют ее суть.

Фраза *«за лесом солнце воссияло, там чёрный ворон прокричал»* не есть описание природы, пейзажная картинка, образно представленная ситуация, очевиден ее условный характер. Ее смысл (однократная интенсивная вспышка солнца) понятен из соотношения формулы с другими текстами, где также обозначена картина заката солнца, как знака не просто вечера, а космоса, которому «подчинен» герой. *Вспышечный свет* (ср. диалектное пермское восиять – «сверкать» о молнии) предстает здесь как знак рокового часа (такова и семантика мотива света яркого солнца у Ф. Достоевского, герои которого часто умирают на восходе или на закате; с одной стороны таким образом он представляет идею вечного торжества жизни, а с другой – подчеркивает «вселенский масштаб утраты»). Очевидна и условность другой символической структуры – крик вещего ворона за лесом выступает как весть о смерти (ср. посл. старый ворон даром не каркнет, обрядовое сплевывание в при крике ворона, закрепа в заговорах «Лети ворон, не каркни, а ты, кровь, не капни»). Отметим звукопись первой строки, отчасти продленной во второй (те же аллитерированные с, з, л – *«слеза моя на грудь упала, последний раз прощай сказал»*), она дополнительно обеспечивает фрагменту самостоятельность.

Сложное смысловое содержание военной лирики передается использованием в тексте не одного символа, а целого набора. В целом, военный фольклор Прикамья отражает горестные моменты, связанные с

расставанием солдата и родных (любимой и матери), а также переосмысляет смерть солдата на войне.

Так, в одной из песен звучит не просто выражение тоски от предстоящей разлуки, а предостережение молодого человека:

*Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя родня набежала.
Ай, куда ты, паренёк? Ай, куда ты?
Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты!* [1, с. 23]

Здесь война представляется как нечто бессмысленное и убивающее всякого. Так, далее звучит фраза: «Ваня, Ваня пропадёшь не за что ты» [В.и п., с. 23]. Здесь подчёркивается привязанность всех родственников к Ванюше, их переживания и непонимания мотивов ухода Вани на войну.

Человеческие отношения ставятся превыше военного долга и в другой военной песне. В песне «Течёт речка по бережочку» раскрываются внутренние желания солдата – вернуться домой к своей любимой, чтобы с нею повидаться. Песня начинается с пейзажа реки, что отражает внутреннюю тоску солдата:

*Течёт речка по песочку
К бережочку сносит* [1, с. 49].

Далее песня строится на диалоге солдата и полковника, где солдат отпрашивается к себе домой, чтобы повидаться со своей любимой:

*Солдат полковника просит:
- Отпусти меня, полковник,
из полка до дому.
- Ах, рад бы, рад бы отпустить
И долго пробудёшь,
рад бы, рад бы отпустить,
ты долго пробудёшь.
А ты испей воды холодной,*

и милую забудёшь.

- Ах, пил я воду, пил холодну

Пил – не напивался.

Ах любил девчонку –

с нею обвенчался [1, с. 49].

В данной песне прослеживается точная психология солдата, который не может забыть своей любимой. Образ полковника здесь представлен как символ власти, принуждающей воевать и разлучающей солдат с их семьями. Его желание помочь – в общем-то показное, и не ведёт за собой никаких действий. Взамен он предлагает солдату забыть любимую, испив воды холодной. В данном случае, вода, по видимому, отражает её соотношение с понятием времени и забвения. Однако финал песни отражает победу памяти солдата над временем и силу его любви. Несомненно, данная песня является крайне сложным, сочетая в себе тему любви, расставания, забвения, тему власти и безволия.

Интересно, что форма данной песни получила развитие в авторской песне в творчестве Б. Окуджавы. Если в фольклорном варианте преобладает тема тоски и расставания, но у Окуджавы данный сюжет получил развитие в свете проблемы столкновения человека и власти. Здесь также происходит разговор солдата, но уже с генералом, где он говорит о том, что не хочет более воевать. За это, в итоге, генерал отправляет его под трибунал.

Ещё одна важная тема в военном фольклоре Прикамья – поминание убитого бойца, как в песне «*В чисто поле, поле под ракитой...*». Здесь, во-первых, сам пейзаж задаёт ситуацию горестного события (символ ракиты и локация – поле). Первая часть песни относится к настоящему:

В чисто поле под ракитой,

где клубится по ночам туман,

Эх, там лежит, под землёй зарытый

Там схоронен красный партизан [1, с. 153].

Здесь представляется пейзаж, где в центре внимания, несомненно, находится могила умершего партизана. Далее, возлюбленная партизана обращается к прошлому, вспоминая, как она сама провожала его, как давала оружие и коня.

Я сама героя провожала

В дальний путь на славные дела.

Эх, боевую саблю подавала

Вороного коня подвела [1, с. 153].

Здесь подготовка к бою имеет ритуальную форму и повторяет былинную традицию, где богатыря также снабжали оружием и приводили его верного коня. Так, подчёркивается героичность образа партизана. Здесь поход на войну интерпретируется как воинский долг перед родиной, как подвиг («на славные дела»). Подчёркивается и решительный характер партизана: «молодой, горячий, непреклонный он изъездил тысячи дорог» [1, с. 153].

Умерший солдат становится в центре внимания в другой песне: «На опушке леса стары дуб стоит...». Если в первом случае изображается погребённый в могиле боец, то здесь вместо могилы у него дуб как нечто, оберегающее его покой после смерти:

На опушке леса старый дуб стоит

А под этим дубом мой солдат лежит.

Ой, лежит не дышит, только штык торчит,

золотые кудри ветер шевелит.

Здесь акцентируется внимание на внешности героя. «Золотые кудри» отражают нереальные элементы описания, а также отсылают к былинному эпосу, где часто герои и богатыри наделялись золотыми волосами или элементами одежды, что подчёркивало их причастность к божественному. Золото в славянской мифологии отражало земной символ солнца – Даждь

бога. Ветер здесь также, как и дуб, оберегает умершего героя, словно бы гладит его по волосам.

Таким образом, из анализа песен военного фольклора Прикамья можно выделить некоторые его особенности:

- 1) большое внимание уделяется теме семьи, где война становится причиной расставания и потери любимого сына, жениха или мужа;
- 2) ещё одной важной темой является память по покинутому родному дому и семье;
- 3) власть в песнях выступает как непреодолимая сила, из-за которой нельзя покинуть армию;
- 4) отражение получают и древние, былинные традиции, которые проявляются в символике и обрядовых моментах.

ГЛАВА III.

Методические рекомендации к использованию.

Среди многочисленных вопросов, связанных с эстетическим воспитанием, необходимо выделить один из важнейших как в воспитательном отношении, так и с точки зрения чисто учебного вопроса — вопроса о приобщении к народной культуре детей среднего школьного возраста.

Народное творчество можно рассматривать, как средство всестороннего развития ребенка-школьника, как средство патриотического воспитания, в частности.

«Русский народ не должен терять своего нравственного авторитета среди других народов – авторитета, достойно завоеванного русским искусством, литературой. Мы не должны забывать о своем культурном прошлом, о наших памятниках, литературе, языке, живописи...Национальные отличия сохранятся и в XXI веке, если мы будем озабочены воспитанием душ, а не только передачей знаний», – говорит Д.С. Лихачев.

Учитывая осведомленность нынешних детей о различных военных исторических событиях, связанных со становлением нашего государства, можно смело включать изучение фольклора Прикамья в уроки литературы или создать отдельный курс, на котором можно будет изучать не только военную песенную лирику, но и фольклор других жанров.

Основная проблема заключается в том, что в школьной программе песенная военная лирика представлена в малом количестве часов. В частности, военные песни и частушки изучаются на уроках музыки, но опять же, изучаются произведения конкретных авторов.

На уроках литературы, русского языка или на специальном курсе песенную военную лирику можно изучать с разных сторон:

- с точки зрения содержания

- отдельных слов и словоформ
- рифмы
- символики
- строение предложений
- культурные традиции народов Прикамья
- с точки зрения использования художественных средств и так далее.

Заключение

Метафора войны в военном фольклоре часто имеет своё лицо. Оно действует иррационально и кровожадно, что, несомненно, пугает человека и ввергает в глубокий страх. Тема смерти героя отражается в военных песнях либо как женитьба (на пуле, на штыке), либо как хмельной угар, что отражает стремление эвфемизировать столь трагичное событие.

Образ врага в военном фольклоре, чаще всего, проявляется в жанре частушки. При рассмотрении образа врага, важно учитывать то, на какой войне было создано то или иное произведение. Так, в Первую мировую войну в фольклоре можно найти и нейтральное изображение врага. В период Великой отечественной войны враг почти всегда является предметом ненависти и презрения. В фольклорном жанре приметы война отображается, прежде всего, как мистическое явление. В военной песне наблюдаются употребление различного рода выразительных средств, таких как: психологический параллелизм, ступенчатое сужение образов, символическая образность.

Символы в военной песне представляют собой сложную структуру, обозначая понятия войны, смерти, героизма и горе по погибшему солдат. Так, сама война может раскрываться через символы, связанные с пахотой, а оружие и быт солдата через образы семейной жизни, что отражает стремление осмыслить происходящее через знакомые образы. Родная природа часто отражает родной дом, семью, что выражается в материнских чувствах, которую проявляют деревья и птицы, скорбь и забота о раненном или умершем солдате. Иногда природные образы символизируют горькую потерю, как например, ракита. Слезы в песнях становятся символом бесчисленных страданий, которые принесла с собой война. Вместе с этим, сама смерть героя часто сочетается с понятием героизма и долга.

Из анализа песен военного фольклора Прикамья можно выделить некоторые его особенности:

- 1) большое внимание уделяется теме семьи, где война становится причиной расставания и потери любимого сына, жениха или мужа;
- 2) ещё одной важной темой является память по покинутому родному дому и семье;
- 3) власть в песнях выступает как непреодолимая сила, из-за которой нельзя покинуть армию;
- 4) отражение получают и древние, былинные традиции, которые проявляются в символике и обрядовых моментах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Не берлоги там звериные,
То солдатские квартирушки -
Залегли окопы черные
В чистом поле, на раздольице.
Поперек легли — отрезали
Все пути нам, все дороженьки
На родную, милу сторону.
Ах, ты, пташка, пташка вольная,
Пуля резвая, порхливая,
Ты лети, лети на родину,
Отнеси ты утешеньице:
— Вы терпите, детки малые,
Вы крепитесь, жены милые,
Уж вы, матери, порадайтесь
На житье-бытье окопное.
Сладко пожито — похожено,
Вволю норушки погложено,
Опились слезами допьяна,
Опоили землю-матушку,
Опоили кровью дотошна.
День да ночь мы Богу молимся -
Оглушило небо доглуха.
Божья церковь — яма черная;
Образа, вить, часты выстрелы,
А попами — пушки гулкие,

Что поют про наши душеньки.

Пашню пашем мы в глухую ночь

Не сохой — штыками, бомбами.

Не цепом молотим — пулями

По немецким, по головушкам..

Войтоловский Л. По следам войны. Походные записки. Т.1. Л., 1927

«Ой, да ты калинушка»

Ой, да ты, калинушка,

Ты, розмалинушка!

Ой, да ты не стой, не стой

На горе крутой.

Ой, да ты не стой, не стой

На горе крутой,

Ой, да не спущай листа

Во синё море.

Ой, да не спущай листа

Во синё море,

Ой, да во синём-то море

Корабель плывет.

Ой, да во синём-то море

Корабель плывет,

Ой, да корабель плывет,

Аж вода ревет.

Ой, да корабель плывет,

Аж вода ревет.

Ой, как на том корабле

Три полка солдат.

Ой, как на том корабле

Три полка солдат.
Ой, да три полка солдат,
Молодых ребят.
И командир-майер
Богу молитца,
А рядовой-то солдат
Домой проситца:
- Командир- майер,
Отпусти-ка меня домой,
Отпусти-ка меня домой
К отцу матери родной,
И к моей жёнушке молодой.
Ой да к жёнушке да молодой,
К малым детонькам
Ой да к малым детонькам,
Малолетонькам
Усольский район, Сборник «Война и песня»

Край дорожки, край широкия было, московской,
Тут стояла зелена елинка,
Не толстая, собою ровная,
Со вершиночки до самого корня.
Что на этой было елинке,
Что на самой было на вершинке,
Тут сидела дорогая пташка,
Горегорькая бедная кукушка.
Не кукует, всё бедна горюет,
Жалобнешенько, слезно причитает,
Под елинушку сама взирает:

Под елинушкой лежит молодчик,
Не убит он лежит, не застрелен —
Вострой сабелькой весь он изрублен.
Что на молодце была рубашка,
Тонка, беленька была бумажна,
Во крови-то она была, кумашна,
Во грязи-то она была, китайна.
Тут спроговорит душа молодчик:
«Уж ты мамушка, зелена елина!
Отпусти ты свое прутьё-витьё!
Ты прикрой мое тело белое,
Чтобы дождиком тело не мочило.
Красным солнышком тело не сушило,
Чтобы звери тела не терзали,
Чтобы вороны тела не клевали».

Русские народные песни. / Сост. и вводн. тексты В. В. Варгановой. —
М.: Правда, 1988, раздел «Песни солдат и о солдатах. Рекрутские
причитания»

«Течёт речка по песочку»
Течёт речка по песочку
К бережочку сносит
Солдат полковника просит:
- Отпусти меня, полковник,
из полка до дому.
- Ах, рад бы, рад бы отпустить
И долго пробудёшь,
рад бы, рад бы отпустить,

ты долго пробудёшь.
А ты испей воды холодной,
и милую забудёшь.
- Ах, пил я воду, пил холодну
Пил – не напивался.
Ах любил девчонку – с нею обвенчался.
Кишертский район, сборник «Война и песня».

«Вдоль по линии Кавказа»
Вдоль по линии Кавказа
Пролетал сизой орел.
Он летал перед войсками,
Издавал строгий приказ: —
Чтобы были у вас ружья,
Ружья новые в руках,
Ружья новы, шашки востры,
Револьверы в кабурах.
Мы поедem за границу,
Бить отеческих врагов, -
Часть порежем, часть побьем мы,
Остальных в плен заберем.
с. Искор, Чердынский район, Пермский край. Сборник «Война и песня»

Не травушка, не ковылушка
В поле шатается –
Он шатался, волочился
Раздобрый молодец.
Идет он, шатается,
За ковыл-траву хватается.
Из его свежих ран
Кровь цевкой течет.
На нем черкесочка
Нараспашечку,
У черкесочки рукавички
Назад позакиданы,
А полы под ремень
Позатыканы,
Горячей кровью
Все призабрызганы.
Навстречу раздоброму молодцу

Мать родимая.
«Ты дите ли мое,
Моя деточка,
Ты на что допьяна напиваешься?»
— «Напоил меня
Русский царь,
Напоил меня тремя пойлами:
Первое пойло — пулечка свинцовая,
Второе — шашка острая,
Третье — пика длинная».
Русские народные песни. / Сост. и вводн. тексты В. В. Варгановой

«Вдоль по линии Кавказа»
Вдоль по линии Кавказа
Пролетал сизой орел.
Он летал перед войсками,
Передавал строгий приказ:
Кабы были у вас, братья,
Ружья новые в руках,
Ружья новые, винтовки,
Револьверы в кобурах.
Мы поедem с вами, братья,
За границу воевать.
Под зеленою ракитой
Русский раненый лежал.
Он к груди своей пробитой
Крест свой медный прижимал.
Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок.
Тут злетались вороны,
Чуют лакомый кусок.
Ты не вейся, черный ворон,
Над моею головой.
Аль погибель мою ищешь ?
Я солдат еще живой.
Ты послушай, черный ворон,
Что я буду говорить:
Ты злетай-ка, черный ворон,
К моей мамоньке родной,
Передай-ка, черный ворон,
Мой платочек кровяной.
Ты скажи моей невесте:
Я женился на другой.
Я женился на винтовке,

Сабля свахою была.
Взял приданое большое
Много леса и лугов.
Хороша была невестка:
Угощала вострием.
Записано в д.Боголюбы Осинского района.

«За лесом солнце воссияло»

За лесом солнце воссияло, там чёрный ворон прокричал.
Слеза моя на грудь упала, последний раз прощай сказал.
Прошли часы мои, минуты, когда я с девушкой гулял.
Прощайте, девушки-красотки, прощайте, милые друзья.
Быть может, еду я на время, а всё быть может навсегда.
Дайте мне коня гнедого с черкальским убранным седлом.
Я сяду, сяду и поеду на Дальний Восток воевать.
Дадут винтовочку мне в руки, лопату, верную жену.
В чужом краю не то что дома, свернешься, ляжешь на полу.
Родная мамонька не скажет: “Давай, сыночек, постелю”.
Быть может, меткая винтовка сразит меня из-за куста,
Быть может, пика прокажена пронзит грудь белу у меня.
Быть может, шашка-лиходейка разрубит голову мою,
Разрубит череп на две части, из ран польётся ала кровь.
Никто мальчишку не проводит, никто слезинки не прольёт,
Только мать моя проплачет да сёстры песни пропоют.
Зап.от Муриной А. С., с.Рябки Чернушинского р-на

Уж вы, леса, вы ли да лесочки (I)

Уж вы, леса, вы ли да лесочки,
Леса серые ли да борочки.
Ничего в лесах и да не видно,
Ничего в серых и да не слышно.
Только видно, скажем, только слышно,
Зародился, скажем, сын-мальчишка,
Да сын-мальчишка, тожно некрутишка.
Он вспоился, тожно воскормился,
Во солдаты парень пригодился.
Да я солдатства, скажем, не боюся,
Казной-деньгой тожно откуплюся.
Казна-деньга, скажем, не помога,
Добру молодцу да путь-дорога.
Путь-дорожка, скажем, непростая,
Столбовая, скажем, трактовая.
Да уж вы братья, скажем, мои братья,

Да уж вы братчики мои родные,
Да запрягайте коня вороного
В каретушку, скажем, золотую.
Каретушки, скажем, дома нету,
Каретушка, скажем, на базаре,
На базаре, скажем, во Казани.
Вы садитесь, братчики, на козлы,
Вы берите, скажем, в руки вожжи,
Во правую руку, скажем, плетку,
Да вы везите меня прямо в город,
Прямо в город, скажем, во в приёмну,
Да посадите-ко меня на стулик.
На полу-то ой лежат дорожки,
Все дорожки, скажем, ковровые.
Во приёмной, скажем, стоят стулья,
Стоят стулья, скажем, непростые,
Стоят стулья ой да дубовые.
На их лежат сукна дорогие,
Дорогие сукна, непростые.
Как на сукнах, скажем, лежат бритвы,
Лежат бритвы, бритвы золотые.
Ой вы, братчики мои родные,
Вы берите бритвы, скажем, в руку,
Да вы сбрейте тожно мои кудри,
Да и свяжите тожно в узелочек,
Да покиньте тожно в передочек,
Да малым детонькам да на поминок,
Да молодой жене да на поглядку.
По плечам русы кудри валяются,
По лицу слезы, слезы катятся.
Юрлинский район, Пермский край, сборник «Война и песня».

«В чистом поле под ракитой»

В чистом поле под ракитой,
Где клубится по ночам туман
Эх, там лежит, в земле зарытый,
Там схоронен Красный партизан.
Я сама героя провожала
В дальний путь, на славные дела.
Боевую саблю подавала,

Вороного коника вела.
На траву, да на степную.
Он упал, простреленный в бою.
Эх, за Советы, за страну родную
Отдал жизнь геройскую свою.
В чистом поле, в поле под ракитой,
Где клубится по ночам туман
Эх, там лежит, в земле зарытый,
Там схоронен Красный партизан...
Красновишерский р-н, Сборник «Война и песня»

«Э-ОХ, ЧТО Ж ТЫ, ВОЛЮШКА»

Э-ох, что ж ты, волюшка моя, во... моя волюшка,
Воля дорогая,
Э-ох, да где же ты, моя во... моя волюшка,
Воля оставалася?
Э-ох, осталася моя во... моя волюшка
На родной сторонке,
Э-ох, во батюшкином зелё... зеленом саде
Воля загуляла,
Э-ох, на матушкином на красном, на красном окне
Воля залежала.
А-ох, распремилая была сторо... да сторонушка,
Была под Печерской,
Э-ох, разгульливые были гулянки, гуляночки,
То были Углянски,
Э-ох, разорённая была деревня, деревенька,
То была Декшинская,
Ох, за то она разорё... разорённая –

Нету девок, мальцов.
Ох, разорил-то эту дере... деревеньку,
Да вот вор-боярин,
Э-ох, разудалых добрых моло... молодцев
Поотдал в солдаты,
Э-ох, расхороших красных де... да вот девушек,
Всех замуж повидал.
Э-ох, зарости ты мое подво... подворьице,
Широко, далеко,
Э-ох, широко было и далё... далёко,
Да травую, муравую.

Записана А. Г. Кудышкиной в 1946 г. от Т. И. Каношиной в дер.
Декшино, Печерского р-на (Псковская обл.)

Последний нынешний денечек

Последний нынешний денечек гуляю с вами я, друзья.
Завтра рано, чуть светочек, заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои, сестры, заплачут мать и мой отец,
Еще заплачет дорогая, с которой шел я под венец.
Коляска к дому подъезжает, колеса о землю стучат,
К окошку староста подходит: «Готовьте сына своего».
Крестьянский сын уж наготове, семья вся замертво лежит.
Снимайте со стены икону, кладите хлеб и соль на стол.
Благословите сына напоследок, может, я на смерть пошел.
Благослови, жена родная, быть может, насмерть еду я.
Быть может, меткая винтовка из-за куста сразит меня.

Усольский район, Сборник «Война и песня».

«Не со вечера дождичек»

Не со вечера дождичек, поутру ранешенько туман,
Поутру-то ранешенько туман
Да на меня-то, на девицу, тоска-скука есть печаль,
Тоска-скука да есть печаль.
Да соезжает миленький со двора,
Со двора, милый, на час.
Он оставляет девицу одну, Машу в терему.
Одну Машеньку в терему, да я за им бегу.
Дружка голосом кричу, дружка голосом кричу.
Да мой-от голос он не слышит, да немецким платком я машу,
Немецким платком я машу.
Да немецким-то я машу, кашемировым я платком.
Да воротися, миленький, воротись, милой, назад.
Да если, милой, не воротишься,
Да ты спокаешься, злодей.
Да с горя, со кручинушки
Во нову ли горницу я жить пойду.
Да сяду я на лавочку за дубовый новый стол.
Да погляжу ли я в окошечко, во чистое полечко.
Во чистом ли полечке дорожка торная лежит.
По этой-то дороженьке казачки в отряд идут.
Да казачки-то молоденьки, на плечах ружья, ай да, несут.
Да на плечах оружьеца, по бокам шашки висят.
Да во первом-то рядочке все охотнички,
Все охотнички,
Да во втором-то рядочке подневольнички,
Подневольнички.
Да во третьем ряду ружья сбрякали,
Ружья сбрякали,

Да во третьем ряду слезно сплакали,

Ой, слезно сплакали.

Антология военной песни / Сост. и автор предисл. В. Калугин. - М.:
Эксмо, 2006

«Ночи темны»

Ночи темны, тучи грозны,

Из-под неба дождь идет,

Наши храбрые стрелочки

Со учения идут.

Они едут, маршируют,

Меж собою говорят:

- Трудно, трудно, нам ребята.

Шли германский город взять.

Но еще того труднее

Нам под пушки подбегать.

Мы под пушки подбегали,

Закричали все - Ура !

Бейте, бейте, не робейте,

Подается враг назад.

Не надеемся на Бога,

А на острые штыки.

Вы, германцы, вы, австрийцы,

Покоритесь вы нам.

Если вы не покоритесь,

Пропадете, как трава.

Пермский край, Сборник «Война и песня»

«Вы туманушки ли, туманушки мои!...»

Вы, туманушки ли, туманушки мои!
Не подняться вам, туманушки, от синя моря к облакам -
Не отогнать мне печаль-кручинушку от сердечушка своего.
Мне вечер-то, ночесь, добру молодцу,
Мне малым-мало спалось, много виделось во сне:
Будто я-то лежу во дикой степи один,
Сквозь ребрышков моих и суставчиков мурава-трава проросла,
Сквозь ретивого сердечушка алый цветок расцветал,
На буйной-то на моей головушке пташка гнездышко свила.
Не за долгое было времечко, во несчастье я попал,
В такое-то во несчастье: к неприятелю попал, в плен,
Ко тому ли неприятелю - в некрещеную орду,
Избирал я такие случаи, как избавиться от злых рук;
На утренней на зореньке все поснули крепким сном.
Ушел-то, бежал млад невольничек из киргизских злых рук;
Прибегал млад невольничек ко Уралу, быстрой реке.
На ту пору Урал-река становилась,
Тоненьким ледочком затягивалась,
Беленькими снежочками покрывалась.
Млад невольничек на ледочек становился,
Под ним тоненький ледочек подломился.
На восход млад невольничек возмолился,
Через воду перейти решился;
Так из неволюшки освободился.

Антология военной песни / Сост. и автор предисл. В. Калугин. - М.:

Эксмо, 2006

«Из-за леса, леса темного»

Из-за леса, леса темного,
Из-за садика зеленого
Собиралась туча грозная
Со снегами со сыпучими,
Со морозами со трескучими.
Дочка к матке собиралась;
Пособравшись, дочь поехала.
Поехала дочь, не доехала,
Среди лесу становилась:
Лошаденка истомилась;
Лошаденка истомилась
Тележенка изломилась,
Все каточки раскатились;
Все каточки раскатились,
Ко дубочку прикатились.
На дубу сидит соловушка.
«Ах ты птушка, птушка вольная!
Ты лети, лети в мою сторонушку,
Ко батюшке во зеленый сад,
А к матушке во нов терем.
Ты неси, неси соловушка,
Ах, батюшке да низкий поклон,
А матушке челобитьице:
Что пропали наши головы
За боярами за ворами!
Гонят старого, гонят малого
На работушку ранешенько,
А с работушки позднешенько».

Русские народные песни. / Сост. и вводн. тексты В. В. Варгановой. – М.:
Правда, раздел: «Песни дворовых»

«Вы поля, вы поля»

Вы поля, вы поля, поля чистые,
Как на вас, на полях, урожаю нема.
Только выросла одна кучевая верба.
Как под этой вербой солдат битый лежит,
Он убит – не убит, весь изранен лежит.
Во ногах у него конь вороной стоит.
Уж ты, конь ты, мой конь, конь - товарищ ты мой,
Побегай-ка домой, во Россию домой.
Во Россию домой, к отцу, к матери родной,
К моей жёнке дорогой.
Передай ты, мой конь, что женат на другой,
Что женила меня пуля немилая,
Обвенчала меня шашка вострая,
А невеста моя – гробовая доска.
Ох, и тёща моя – мать-сырая земля,
Ох, и свечка моя – глубокая яма.
Косинский район, Сборник «Война и песня»

«Не труба трубит звонка золота.»

Не труба трубит звонка золота,
Как возговорит Православный Царь.
«Ой вы, русские добры молодцы!
Вы седлайте все ретивых коней,
Надевайте вы сабли вострые,
Что идет злодей на святую Русь!

Есть ли Минины и Пожарские?..
Нам тогда снимать наш булатный меч,
Когда выгоним врага лютого,
Врага лютого, кровожадного!»
Лишь успел нам Царь слово вымолвить, —
Не река течет, не волна шумит,
То народ к Царю весь стекается:
«Уж ты батюшка, Православный Царь!
Есть и Минины и Пожарские;
Ты бери у нас злато-серебро,
Ты и нас возьми во ряды свои!
Как наши деды шли за родину.
Так и мы теперь за нее идем;
Рады головы за нее нести!
Мы тогда снимем наш булатный меч,
Когда выгоним врага лютого.
Врага лютого, кровожадного...
Ты отец будешь сиротам по нас!»

Антология военной песни / Сост. и автор предисл. В. Калугин. - М.: Эксмо,
2006

«Как у ключика было у текучего...»
Как у ключика было у текучего,
У колодца-то было у студеного;
Молодой казак-душечка спочив имел,
Он спочив имел, - он коня кормил,
Он кормил-то коня, все выглаживал:
"Уж ты, конь ли мой, конечек вороненький,
Что не ешь-то ты, мой конь, шелковой травы?"

Не пьешь ты, мой конь, ключевой воды
И не ешь-то, не пьешь, не весел стоишь:
Ты повесил, мой конь, свою буйну головушку.
Иль ты чуешь, мой конь, над собой невзгодушку,
Ты невзгодушку чуешь, несчастье великое?
Тяжела ли тебе моя сбруя ратная?
Или я-то на тебе, хозяин, тяжело сижую?"
"Ты, хозяин, ты мой ты, хозяйинушка,
Ничего ты не знаешь, ничего не ведаешь:
Не тяжела мне твоя сбруя ратная,
Да и сам-то ты, хозяин, не тяжело сидишь;
Как тебе-то, хозяину, быть убитому,
Как а мне-то, твоему конечку, быть подстреленному".
Загоралась, занималась заря алая -
Загоралась, занималась степь широкая,
Обгорел, облетел млад сизой орел,
Обгорели у него крылья крепкие;
Упал сизой орел на сыру землю;
На сырой-то земле орел все катается,
Своей смерти орел дожидается,
Налетели на орла карги-вороны,
Над сизым орлом они насмехались.
"Да ты, Боже мой, Боже, Господь милостивый,
Ты создай-ка, пошли весну красную!
Обрастут да заживут крылья быстрые мои;
Я помчусь да полечу по поднебесью,
Заклюю я, защиплю загуменную каргу.
Ты, ворона, ты, ворона, загуменная карга!
Не бывать тебе, ворона, ясным соколом,

Не летать тебе, ворона, по поднебесью,
Не клевать тебе, ворона, гусей, белых лебедей"

Антология военной песни / Сост. и автор предисл. В. Калугин. - М.: Эксмо, 2006

«Вы станы ли мои, станочки»

Вы, станы ли мои, станочки,
Станы разорены -
Все друзья ли мои, все товарищи,
Друзья поразосланы,
По пикетам друзья, по секретам друзья
Расставлены.

Не две тучи, не две грозные

Вместе сходились,

Не два орлюшка, не два сизых

Вместе солетались,

То два брателка, то два родных

Вместе соезжались.

Как большой-то брателка меньшому

Стал речь высказывать:

"Уж ты, братец мой родимый,

Не спокнь меня!

Как помру я, родной братец,

Ты похорони меня

При ростожке, при дорожке,

На крутой большой горе".

Антология военной песни / Сост. и автор предисл. В. Калугин. - М.: Эксмо, 2006

«Загоралась, занималась заря алая»

Загоралась, занималась заря алая -
Загоралась, занималась степь широкая,
Обгорел, облетел млад сизой орел,
Обгорели у него крылья крепкие;
Упал сизой орел на сыру землю;
На сырой-то земле орел все катается,
Своей смерти орел дожидается,
Налетели на орла карги-вороны,
Над сизым орлом они насмеялись.
"Да ты, Боже мой, Боже, Господь милостивый,
Ты создай-ка, пошли весну красную!
Обрастут да заживут крылья быстрые мои;
Я помчусь да полечу по поднебесью,
Заклюю я, зашиплю загуменную каргу.
Ты, ворона, ты, ворона, загуменная карга!
Не бывать тебе, ворона, ясным соколом,
Не летать тебе, ворона, по поднебесью,
Не клевать тебе, ворона, гусей, белых лебедей".

Антология военной песни / Сост. и автор предисл. В. Калугин. - М.:

Эксмо, 2006

«Не сокол со гнезда солетает»

Не сокол со гнезда солетает,
Молодец со двора соезжает.
Провожали его чужие люди.
Чужие люди, да все соседи.
Со всеми девками простился,

С одной Сашей да не простился:
«Прощайте, девки, прощайте, бабы».
Старые дубья, да старые дубья,
Стоит третья бела береза.
Со дороженьки да он вернулся,
С одной Сашенькой простился.

«Как сказали сырому дубочку»

Как сказали сырому дубочку:

«Утром рано мороз будет».

— «Я морозу, дубок, не боюсь,

Сейчас я развернуся».

Как сказали молодому солдату:

«Утром рано поход будет».

— «Я походу, солдат, не боюсь,

Я сейчас пойду соберуся».

Собирался солдат, снаряжался,

И со всеми солдат прощался.

«Вы прощайте, добрые люди,

Может, с кем я поругался».

Поругался солдат, побранился,

С дороженьки воротился.

Зарастайте мои все тропы-дороги

Травой-муравою,

Листом-лопухами,

Пестрыми цветами.

Русские народные песни. / Сост. и ввводн. тексты В. В. Варгановой. –
М.: Правда, 1988, раздел «Песни солдат и о солдатах. Рекрутские
причитания»

«На опушке леса...»

На опушке леса
Старый дуб стоит,
А под этим дубом
Партизан лежит.
Он лежит, не дышит
И как будто спит,
Золотые кудри
Ветер шевелит.
А над ним старушка,
Мать его, стоит.
Она горько плачет,
Сыну говорит:
«Я ж тебя растила,
Но не сберегла.
А теперь могила
Сбережет тебя.
А когда родился,
Батька немцев бил,
Где-то под Одессой
Голову сложил.
Я вдовой осталась.
Семеро детей.
Ты же самый младший,
Милый мой Андрей.
Был ты самым храбрым,
Немцев крепко бил,
Орден за геройство

В награду получил.
Ой, болит сердечко
По тебе, Андрей.
Ты скажи, сыночек,
Матери своей».
Позади старушки
Командир стоит,
Ласково и тихо
Он ей говорит:
«Ты не плачь, родная,
Он героем пал».
И с земли старушку
Тихо приподнял.
«За страну родную
Пал он не один.
Мы фашистским гадам
Косинский район, Пермский край., сборник «Война и песня»

«УЖ ТЫ ПОЛЕ МОЕ, ПОЛЕ ЧИСТОЕ...»

Уж ты поле мое, поле чистое
Ты раздолье мое, ты широкое.
Ты раздолье мое, ты широкое,
Чем ты, полюшко, приукрашено?»
— «А я, полюшко, всё цветочками,
Всё цветочками, василечками!»
Посреди-то поля част ракитов куст,
Под кустом-то лежит тело белое.
Под кустом-то лежит тело белое,
Тело белое, молодой солдат.

Молодой солдат не убит лежит
Не убит лежит, шибко раненный.
Во главах у него бел-горюч камень,
Во руках у него сабля вострая,
Во руках у него сабля вострая,
Во груди у него пуля быстрая,
Во груди у него пуля быстрая,
Во ногах у него стоит добрый конь.
«Уж ты конь, ты мой конь, товарищ мой,
Ты ступай-беги во Русску землю;
Ты скажи-ка, скажи родному батюшке,
Поклонись-ка ты родной матушке,
Поклонись-ка ты родной матушке.
Ты скажи-ка, скажи молодой жене,
Что женился я на другой жене,
Как женил-то меня бел горюч камень,
Как женил-то меня бел горюч камень,
Обвенчала-то меня сабля вострая,
Обвенчала-то меня сабля вострая,
Молода жена пуля быстрая».

(Русские народные песни. / Сост. и ввводн. тексты В. В. Варгановой. – М.: Правда, 1988, раздел «Песни солдат и о солдатах. Рекрутские причитания»)

«Мимо садичку, мимо зеленого»
Мимо садичку, мимо зеленого,
Мимо кустичку, мимо ракитова
Пролегала путь-дороженька,
Путь-дороженька, путь широкая.

Долинушке той конца-края нет,
Никто по ей не прохаживал,
Никто следу не прокладывал.
Только шли-прошли наши солдатчики,
Новобранные, да нонче сданные,
Неучёные да нешколёные.
Наперед идут у нас невольнички,
За имя идут наёмщички-охотнички.
Что охотнички игру разыграли,
А наемщички-те песню грянули,
Ой, подневольнички слезно всплакали,
Ой, да свою сторону они вспомянули

«Шел детинушка дорогою»
Шел детинушка дорогою,
Шел удалый молодец широкою.
Пристигала молодца темная ночь,
Темная ночь осенняя.
И где-то молодцу ночевать будет?
Ночевать молодцу в темном лесу,
В сыром бору под сосною под зеленою.
Буйные-то ветры разбушились,
Зеленая-то сосна расшаталася,
Расшаталася, расшумелася.
Не сосна шумит, то молодца журит:
«Ты зачем же, молодец, под меня зашел?»
Как возговорит добрый молодец:
«Не бушуйте, ветры буйные!
Не шатайся ты, не шуми, зелена сосна,

Не жури меня, доброго молодца!
Я не сам, молодец, под тебя зашел,
Занесла меня неволюшка,
Неволюшка, невзгодушка –
Государева солдатчинка!
Припаду я, молодец, ко сырой земле:
Не стонет ли мать сыра земля,
Не плачет ли отец с матерью,
Не горюет ли молода жена,
Молода жена с малыми детушками?»

Русские народные песни. / Сост. и вводн. тексты В. В. Варгановой. –
М.: Правда, 1988, раздел «Песни солдат и о солдатах. Рекрутские
причитания»

«Не кукуй-ко ты, моя кукушка...»

Не кукуй-ко ты, моя кукушка, да не кукуй-ко ты, моя рябая,
Во сыром то было во борочке, на калиновом на сухом пруточке.
Да на калиновом пруточке, не пой тонко, да не пой ты звонко.
Не пой тонко, да не пой ты звонко, да не давай солдатам скуки.
Не давай солдатам скуки — без того солдатам было скучно.
Без того, военным, было скучно, без того, бедняжкам, было бедно.
Да зимой частые были походы, да во крещенские во морозы.
Во сапожках ножки зябнут, да от ружей-то руки щиплет.
Напишу письмо мамаше — ты не плачь, моя мила мамаша.
Ты не плачь, моя мила мамаша, да со родимым со папашей.
Скоро я домой сулюся, через двадцать два годочка.
Через двадцать два годочка дождись сына-соколочка.
Прилечу я только соколочком, соколочком, да только со свисточком.
д. Ножовка, Чагинский район, Пермский край. Сборник «Война и песня»

Список использованных источников и литературы

Источники:

1. Война и песня. Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья [Текст] / А.М. Белавин [и др.] ; науч. ред. И.А. Подюков. - Пермь : ПГПУ, 2005. - 200 с/
2. Войтоловский Л. По следам войны. Походные записки. [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/voitolovsky_in/pre.html (дата обращения: 17.05.2017).
3. Камская вольница. Исторический фольклор Прикамья. – Пермь: Пермская книга, 1993. – 154 с.
4. Песни военной поры // Из первых уст. Великая Отечественная война глазами очевидцев / сост. А. В. Кулагина, Л. Ф. Миронихина, Г. А. Шепелев. М., 2010. С. 349–388.
5. Электронный ресурс. Краткая энциклопедия символов <http://www.symbolarium.ru/index.php>

Литература:

1. Аникин В.П. Русское устное народное творчество: Учеб. для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. - М.: Высш. шк., 2004. – 735 с.
2. Барсов Е.В. Причитанья Северного края. Ч. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rulit.me/books/prichitanya-severnogo-kraya-sobrannye-e-y-barsovym-tom-1-pohoronnye-prichitanya-download-free-379058.html> (дата обращения: 17.05.2017).
3. Венедиктова Л.Н. онцепт «война» в языковой картине мира: Автореферат дисс... на соиск. уч. ст. канд. фил. наук. – Тюмень, 2004. – 20 с.

4. Волокитина Н.А., Иванов Ф.Н. Отражение реалий военной службы в песенном фольклоре населения европейского севера России конца XVIII-XIX в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. - №11. – С. 73-83.
5. Голованова Е.И. Война в художественном осмыслении. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. - №37 (328). – С. 133-137.
6. Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, собранные Григорьевым в 1899–1901 гг. Т. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=13298> (дата обращения: 17.05.2017).
7. Зуева Т. Фронтной фольклор. // Хронограф. – 2003. - №200. – С. 45-48.
8. Зыкова Н.Л. Образ Первой мировой войны в фольклоре русского народа. [Электронный ресурс] URL: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2016/Istoria/2_207583.doc.htm (дата обращения: 18.05.2017).
9. Колесникова Н.А. Военная песня в духовной жизни российского общества: дисс... канд. культ. – М., 2002. – 180 с.
10. Копытов Н.Ю. К семантике фитонимических символов в фольклорных текстах (на материале песенной традиции Карагайского района Пермской области). // Весенняя школа. – 2015. – [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kopytov1.htm> (дата обращения: 17.05.2017).
11. Лазарев А.И. Сущностные особенности поэтики фольклора. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. - №10 (301). – С. 144-149.
12. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: Учеб. пособие для студентов фил. спец. - М.: Высшая школа, 1981. – 224 с.

- 13.Ленивихина Н.О., Скворцов И.И. Солдатский фольклор Великой Отечественной войны. / Волг. гос. пед. ун. [Электронный ресурс] URL: http://www.razdory-museum.ru/c_sold-folk-1.html (дата обращения: 17.05.2017).
- 14.Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. – М.: Наука, 1979. – 512 с.
- 15.Лозовой Илья Владимирович "Общие места" (loci communes) как художественный прием певцов и сказителей русских былин. АКД. Элиста 2013. // [Электронный ресурс] Российская государственная библиотека - <http://www.rsl.ru>
- 16.Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. - Мн.: ТетраСистемс, 2004. - 256 с.
- 17.Никитина С.Е., «Устная народная культура и языковое сознание» // [Электронный ресурс] - http://philologos.narod.ru/nikitina/Contents_rus.htm М.: Наука, 1993., с.385
- 18.Орлов А., Пропп В. Героическая тема в русском фольклоре. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 864 с.
- 19.Подюков И.А., Свалова Е.Н. Образ войны в народном представлении (по диалектным и фольклорным материалам Прикамья конца XX начала XXI в.). // Вестник Пермского университета. – 2013. - № 3 (23). – С. 17-27.
- 20.Пропп В.Я. Поэтика фольклора: Собрание трудов. / Сост., пред. и комм. А.Н. Мартыновой. – М.: Изд-во Лабиринт, 1998. – 352 с.
- 21.Сердюк М.А. Слово в фольклорном тексте: семантическая структура и субстанциональные свойства. // Журнал Известия Российского

- государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.
Спб., 2009.
22. Тинина З.П., Родионова О.И. Социокультурный аспект жанровых особенностей фольклора о сталинградской битве (проблемы историографии). // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. - № 9(71). – С. 192-196.
23. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995 .
24. Фольклор и быт ленинградских партизан: Фотографии и документы / Авт.-сост. Н.В. Савинова. - СПб.: Лики России, 2016. – 223 с.
25. Эмер Ю.А. Концепт «война» в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ. // Вестник Томского государственного университета. – 2012. - №4 (20). – С. 58-67.
26. Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого. // Том 1-5. Москва «Международные отношения» 1995
27. Юнг К.Г. 1991— Архетип и символ. // М, 1991 [Электронный ресурс], <http://lib.mgppu.ru> - Библиотека Московского государственного психолого-педагогического университет